

18+

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

СОСТАВИТЕЛЬ

**ЛЕГЕНДЫ
КРЫМА**

ПОЛНЫЙ СБОРНИК

Олег Котельников

Легенды Крыма. Полный сборник

«Издательские решения»

Котельников О. П.

Легенды Крыма. Полный сборник / О. П. Котельников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749525-1

Легенды Крыма: самый полный сборник легенд, этого уникального по природе и истории клочка земли, включая шесть новых, ещё никогда не публикуемых.

ISBN 978-5-44-749525-1

© Котельников О. П.
© Издательские решения

Содержание

Письмо Магомету	6
Стена крепости Мангуп	8
Девушка-Чайка	9
Окаменелый корабль	11
Святая могила	14
Осадный колодец	16
Грибы отца Самсония	20
Султан-Салэ	23
Пиратский маяк	26
Гордая Айше	29
Хан и его сын	31
Оксана	35
Золотая колыбель горы Басман	38
Делеклы-Кая	41
Курбан – Кая – Жертвенная скала	44
Кара- Даг – Черная гора	46
Тавры и Таврида	48
Русалка и «Фонтан Азры»	50
Джанике из Кырк-Ора	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Легенды Крыма Полный сборник

Олег Петрович Котельников *Редактор*

Петр Петрович Котельников *Составитель*

ISBN 978-5-4474-9525-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо Магомету

У зависти немало слуг
Не делом славится, а слухом,
Вчерашние подруга, друг
В затылок дышат злобным духом.
Незримо жалят, слово – яд,
Подвластен дух, подвластно тело,
Незгоды многие сулят,
Душа, глядишь, и отлетела.

Завидовали все Фатиме, когда она, первая красавица деревни выходила замуж за первого богача в долине. Все говорили; «Какая славная пара, особенно красива розовощекая, с черными, как сливы, глазами. Сама утренняя заря всю свою свежесть и краски подарила невесте. А, какая свадьба была! Такой богатой свадьбы давно никто не видел. Свадебный мугудек, обвитый дорогими тканями и шитыми золотом юзбедами, окружало более ста всадников. Горские скакуны, в шелковых лентах и цветных платках, обгоняли в джигитовке один другого. Сколько золотых монет было раздарено. Красота и зависть всегда вызывают зависть. Больше всех завидовала невесте бывшая подруга, обладательница черных, как ночь, и глубоких, как море, глаз. Завидовала и сплздила ее. Как только вышла Фатиме замуж, так и пришла болезнь к ней. Болезнь странная какая-то, невидимая. Боли молодая женщина не чувствовала, но чахла изо дня на день. Бледная, щеки ввалились, сил не хватало, чтобы руки поднять.

Звали лекаря лечить, звали муллу читать – не помогло. Возили на святую гору в Карадаг, давали порошки из камня с могилы святого – еще хуже стало.

Высохла Фатиме, стала похожа на сухую-пресухую тарань. А всего-то три года минуло после свадьбы. Это же надо, за три года из первой красавицы в мумию превратилась.

Перестал любить ее муж, дуется, сердится, что больная у него жена; говорит, как подавит виноград в тарпане, возьмет в дом другую жену. А в чем вина Фатиме? В том, что болезнь навалилась на нее?

– Отчего у греков, когда есть одна жена, нельзя взять другую, а у татар можно? – думала больная Фатиме, плача по ночам над своею судьбой незавидной – Отчего у одних людей – один закон, у других – другой?

Плакала Фатиме украдкой, боясь мужа раздражать. Пыталась улыбнуться ему, но лицо само по себе таким кислым становилось, словно лимон съела. А плакала не от боли, а от обиды потому, что знала, скоро привезут из виноградника последний виноград, и придет в дом другая, та самая подруга с черными глазами. Ее ласкать будет Аблегани; она будет хозяйкой в доме; будет обижать, насмехаться над бедной, больной Фатиме, в чулан ее прогонит.

– Нет, – решила Фатиме, – не будет того, лучше жить не буду, лучше в колодец брошусь.

Решила так, и ночью убежала к колодцу, чтобы утопиться. Яркая луна светила, светила и видела, как прячась, чтобы ее никто не увидел, подошла Фатиме к колодцу. Нагнулась женщина над водой и видит там, в глубине колодца, ангела смерти Азраила. Ничего не сказал он, только погрозил ей пальцем, взмахнул белоснежными крыльями, и унесся к небу, на юг. Улетая, ангел бросил ей только одно-единственное перышко от крыла своего. Поймала, прижала Фатиме то перышко к груди своей, стало на душе так легко, как никогда не бывало. Погружалась в сон она, слыша нежные небесные голоса.

Солнце позолотило вершины гор. Спыхватились старухи, что нет дома Фатиме, бросились искать ее, и нашли на земле у колодца; в руках у нее было перо от крыла, белее лебединого.

Чуть дышала Фатиме. По-всему видно было, что умирает она. Успела только слабеющим голосом рассказать старухам о том, что с нею случилось. Все женщины в селении жалели умершую, а, жалея, думала каждая о том, что и с нею такое может случиться. Заболеет, станет ненужной мужу она. Что сделать, как поступить, чтобы порядок такой изменить? Кому пожаловаться, кого просить? Надо письмо писать, а все женщины в селении – неграмотные. Думали, думали, наконец, вспомнили о том, что дочь эфенди в городе училась, ученою стала.

– Скажи, – спрашивали татарские женщины Зейнеп, дочь эфенди, – где такое написано, чтобы, когда жена больной, старой станет, муж брал новую в дом? Где такое написано?

– Как мужчины захотели, так и написали, – ответила рассудительно дочь эфенди. – Могли написать и не такое, все можно написать...

– Ты, Зейнеп, знаешь письмо, вот и напиши так, чтобы муж другую жену не брал, когда в доме есть одна.

Кому написать? – спросила Зейнеп. – Падишаху? Так тот только посмеется над письмом. Ему наш порядок не нужен. У него, у самого тысяча жен, даже больше...

Задумались женщины, вздыхая. Но нашлась одна, которая догадалась, что делать нужно, она и обратилась к Зейнеп:

– Скажи Зейнеп, кто оставил Фатиме перо? Ангел. Значит – пиши тому, кто с ангелами беседу ведет. Пиши Пророку. Хорошо только пиши ему. Все будут согласны. Кто захочет, чтобы муж взял молодую жену, когда сама старой станешь? Пиши. Все руку дадим.

– А пошлем как? – спросила дочь эфенди.

– С птицей пошлем. Птица к небу летит. Письмо отнесет.

– Отцу бы нужно сказать, посоветоваться? – проговорила Зейнеп, все еще сомневаясь.

– Дура ты, Зейнеп. Отцу своему скажешь – все дело испортишь. Другое письмо отец твой напишет, против нас напишет...

Уговаривали долго женщины Зейнеп, обещали самую лучшую мараму подарить и, наконец, уговорили.

Села на корточки Зейнеп, положила на колени бумагу и стала писать белым пером ангела письмо Магомету.

Долго писала, хорошо писала, все обстоятельно написала. Молчали женщины, пока перо скрипело, только вздыхали по временам.

А когда кончили – перо само улетело к небу догонять ангела.

Завязала Зейнеп бумагу золотой ниткой, привязала к хвосту белой сороки, которую поймали днем мальчишки, и пустила на волю.

Улетела птица. Стали ждать татарки, что будет? Друг другу обещали, не говорить мужьям, что задумали, что сделали, чтобы те не засмеяли их.

Но одна из них не выдержала и рассказала мужу.

Долго смеялся муж; от него узнали другие мужчины, потешались над бабьей глупостью, дразнили женщин сорочьим хвостом. А старый местный мулла стал с тех пор плевать, женщину завидев..

Стыдились женщины, – увидели, что глупость сделали; старались не вспоминать о письме.

Но мужья не забывали и, когда сердились на жен, кричали: – Пиши письмо на хвосте сороки.

Выросла молодежь и тоже, вслед за отцами, стыдила женщин. Смеялись и внуки. Все смеялись и, смеясь, не заметили, как не стало ни у кого двух жен, ни в Козах, ни в Отузах, ни в Таракташе – ни в одном селении долины. Что случилось?..

Может быть, баранина дорогой стала; может быть мужчинам стыдно стало, может быть ответ пророка на письмо пришел.

Стена крепости Мангуп

Надменная гордыня, спесь
Склонялись перед силой,
Тому примеров много есть,
В Мангупе так происходило:

Если смотреть на стену крепости Мангупа со стороны ущелья Табана-дере, то можно заметить, что она перестраивалась когда-то. Видны следы позднего вмешательства, По-разному говорят о причинах, доводы в доказательства приводят, а ясности полной нет, как и ни было Говорят, и хочется тому верить, что стена эта была разрушена каким-то богатырем. Пришел он сюда из дальних северных стран, жену себе подыскивая. Донесся и до него слух, что у мангупского князя есть дочь – неопишная красавица.

Явившись к Мангупу, богатырь, вместо того, чтобы руку, сердце предложить, перед будущим тестем фимиамы воскурить, как этого требовал этикет, в повелительной форме потребовал, чтобы князь показал ему девушку. Князь принял его совсем по княжески: выслал несколько воинов с приказанием принести и бросить к ногам княжеским голову дерзкого пришельца.

Но не знал князь, с кем ему пришлось на сей раз дело иметь, с кем вздумал он тягаться? Богатырь расшвырял кучку воинов посланных, как котят малых, направился к воротам Мангупа и опрокинул их. И этого ему показалось мало, он сбросил верхнюю часть крепостной стены, а вместе с нею засевавших там княжеских слуг. Покончив с этим, герой снова потребовал привести красавицу, грозя превратить весь город в развалины. Перепуганный князь вывел свою дочь. Бледная, девушка, дрожала от страха, глядя на разгневанного исполина. Не лучший был вид и у владетеля Мангупа, стоящего с ней рядом..

Осмотрел невесту с головы до ног богатырь, гневные складки на лице его разгладились, глаза лучиться стали, и он, схватившись за живот, громко рассмеялся:

– Вот и верь теперь слухам! О какой красавице говорили, да это же самый настоящий заморыш...

Затем, пожелав девушке такого же тщедушного супруга, как она сама, он, не оглядываясь, быстро удалился.

Пораженный таким оборотом сватовства, князь Мангупа долго стоял, молча, потом покачал головой, и грустный направился во дворец. А когда починяли стену крепости, приказал вырубить на одной из плит надпись, восхваляющую людей сильных и великодушных.

Девушка-Чайка

На море на Черном есть остров суровый, скорее даже не остров, а красные скалы на буйном зеленовато-синем водном раздолье. И не велик тот остров, и не видно на острове беленьких домиков. Одно дерево хилое, низкорослое на нем, да небольшие островки кустарника среди низкорослой травы торчат. Нет и тропок хоженных-перехоженных, только одну тропинку можно заметить, проделал ее для себя весенний ручеек в красной глине... А дальше – все мертво и глухо.

Долгие годы пустынным был остров, если конечно не считать змей, которые расплодились здесь, считая условия для проживания приличными, да чаек, с печальными криками летающими над бушующим морем.

Вдруг, как-то появился человек на острове этом, зажигающий огонь по ночам, чтобы корабли могли безопасно проходить мимо отмелей и камней огромных, скрытых водой. Но, если беда все же случалась, и корабль разбивался о скалы, человек тот спешил на помощь тонущим. Следует признаться, что нужно было быть решительным и отважным, чтобы рисковать, управляя углой небольшой лодкой, когда море шлет вызов небесам.

Наверное, судьба не слишком жаловала человека того своим вниманием, если он решился поселиться на безлюдном острове с опасными соседями – змеями? Прибыл он не один, а с дочерью малолетней. Вынес ее на руках из утлого челна, на землю поставил, потом пожитки кое-какие вынес, и стал, не торопясь, обживать островок. Построил жилище, внешним видом напоминающее те, что люди строили на заре развития человечества. Днем что-то мастерил, пищу готовил; дымок из трубы к небу поднимался. Приближалась ночь и человек отправлялся огни зажигать, малый огонь в тихую погоду, большой, когда море грозным становилось.

Узнали люди, что доброе дело делает человек, предупреждая кормчих об опасности, стали в знак благодарности предлагать ему деньги. Отказывался тот от денег. И, правда, зачем деньги на островке необитаемом? Что с ними тут делать?.. Брал «островитянин» только немного еды, ту, которая долго не портится, да дрова для костров.

Не зная имени настоящего прозвали островитянина «Морским аистом» – так похожа была на эту птицу долговязая одинокая фигура его на утесе в предзакатное время.

А дочь его воспитывала и лелеяла сама природа. Словно русалку ласкали, укачивая, волны морские; камешки морские и раковины – были ее игрушками. Если случайно морской обитатель оказывался на берегу, не имея возможности добраться до воды, девочка бережно брала в руки несчастное существо, и выпускала в воду.

Время шло, и превратилась девочка в прекрасную девушку: тело белое упругое, как морская волна, волосы пушистые зеленоватые, схожие на морскую траву, окутывали ее до колен, голубые, широко открытые глаза вобрали в себя синь небес, зубы ровные, белые, как жемчуг, сверкали из-под красного коралла губ.

Однажды после купания девушка сладко дремала на берегу, у самой кромки воды, и сквозь дремоту слышала странный шепот. Она привыкла к тому, что людей, кроме отца, на острове нет, так кто же мог тут неподалеку шептаться? Открыв глаза, она увидела небольшого размера существо, похожее на человека всем, за исключением того, что вместо ног у него был настоящий рыбий хвост.

Увидев, что девушка проснулась, существо уже полным голосом заговорило:

– Ты очень добра к морским рыбам и животным и заслужила благодарность от них. Каждый из них готов тебя отблагодарить. Я могла бы достать со дна моря жемчуг, кораллы, самоцветы, но знаю, что они не интересуют тебя. Я могу научить тебя отлично плавать, нырять, танцевать с нами веселые танцы, я расскажу тебе великое множество забавных морских сказок... Но я пришла к тебе, зная, что ты не откажешь в спасении людям, плывущим сюда на больших

лодках. Их называют казаками. Это люди смелые, никого они хозяевами своими не признают, никому дани не платят, даже хозяину Черного моря. Вот царь морской и решил их всех потопить. А мне их жалко, все они молодые, да и злыми их не назовешь. Ты человек, ты можешь что-нибудь придумать для их спасения? Я покидаю тебя, ибо морской царь может проведать о том, что я сюда приходила. Тогда достанется от него и тебе, и мне... А ты хорошо подумай над тем, что я тебе сказала.

День догорал. Солнце медленно в море спускалось. Только самый краешек над водой задержался, последние его лучи коснулись белых облаков, окрасив их в багровые тона. Скрылось солнце. Тишина наступила. Такая тишина, какая только перед бурей страшной бывает. Это уже по опыту, пусть и небольшому, знала девушка. Кожа влажной становится, воздух тяжелым, чтобы проглотить его, усилия требуются. На душе – необъяснимая тоска. Темень быстро пришла, а с наступлением ее, отец на свой пост ночной стал собираться. Девушка сделала вид, что спать собралась, а сама, как только отец вышел из избушки, кинулась к лодке.

Море спокойно пока. Но вдаль слышен гул и сверкание молний. Испугавшись грозы, погасли звезды в небесах. Ветер поднялся, налетел, засвистел, стараясь, костер потушить. Но отец подбросил смолы, и костер запылал еще сильнее, ветром раздуваемый. Испугался огня ветер, отпрянул назад, и вновь тишина наступила...

Все ближе, и ближе приближается туча, всполохи молний стали нестерпимо ослепительными, а от ударов молний, казалось, весь островок вздрагивает. Волны гурьбою метнулись к скалам. А скалы швырнули в них галькой. Алчно волны проглотили каменные гостинцы и бросились снова на скалы.

Началась морская буря, Царь морской направил против чаек казацких полчища волн высоких с гребнями белыми.

Борются с морем и казаки чубатые! Но сил у них не хватает. Подогнало их чайки к утесу, раскачало и бросило на скалы. И скалы от радости подпрыгнули, увидев такую знатную добычу. Глазом моргнуть казаки не успели, как вдребезги были разбиты не только чайки, но и галеры.

Вот когда девушка принялась за работу. Страху не зная, в море свой челн направила, утопающих хватает, быстро на берег выносит. Уже здесь собралось их на берегу немало, но еще больше в воде барахтается, захлебываясь и в воду погружаясь

– Эй, отступись, не мешай мне! – крикнуло море разъяренное девушке, – Это моя добыча! Отступись, неразумная, не то – покараю!

А девушка свое дело продолжает делать, не слушается моря сердитого. Вспенилось тогда, закипело море волною великой, схватило челн, ударило его об камни.

Сорвала с себя одежду девушка, в плавь бросилась к утопающим.

Море откатилось назад, захватило тело упрямой и с глубоким вдохом поглотило его

Но не погибла девушка, серой чайкой вспорхнула и полетела над морем, горько рыдая от того, что не смогла дело свое по спасению тонущих закончить, что многие казаки стали добычей морского царя.

А отец девушки бросился с горя в огонь своего костра...

Смерть необычная, бескорыстно за людей отданная, долго в памяти народной живет, мифом или легендой становясь.

И старик, и дочь его легендой стали. Как услышит чайка бурю приближающуюся, так и начинает летать над пенными волнами, крича и плача. А на утесе том огонь до утра мерцает, не гаснет.

Окаменелый корабль

Коктебель – долина синих гор, сама по себе прекрасна, а тут еще и украшение в виде пенных волн морских. Внизу море еще более синее, чем сами горы, в сушу вдается, образуя Коктебельский залив, а в нем, между мысом Топрак-кая и мысом Киик-Атлама подводные камни виднеются – все, что осталось от корабля, гордо когда-то бороздившего воды Черного моря. И не просто затонул корабль, – таким исходом никого ни прежде, ни сегодня не удивишь, – а в камень превратился. Потом над ним морские волны здорово поработали – времени у них для этого было предостаточно. И, несмотря на то, что камни те теперь мало чем напоминают корабль, местные жители продолжают называть их «Окаменелым кораблем». С тех пор, когда это произошло, много времени прошло, сколько кораблей мимо проплыло, сколько бурь перенесено, а этот, как стал на прикол, – так и не с места. Торчит над водою каменный парус, не тонет, но и не полощется на ветру. А ведь было и так, что носился он по морским просторам, товары перевозя, да и разбоем малым не требуя. Может быть, долго б еще плавал, промышляя торговлей и мелким разбоем, если бы не...

А произошло тогда, вот что:

В Крымских горах пряталась глубоко верующая христианка по имени Варвара. Тяжело приходилось молодой женщине, преследуемой за веру не языческими жрецами, не властными чиновниками, не фанатиками прежней веры, а родным отцом. Диоскур, как звали его, буквально по пятам преследовал дочь. Где только не пришлось побывать Варваре в поисках тихого убежища. Наконец, она оказалась в Сугдее, – так прежде назывался город Судак, на городском рынке. Ей повезло встретить добрую женщину, которая приняла участие в ее нелегкой судьбе. Прошло не более часа после того, как девушка удалилась из города, как там появился ее отец, всех расспрашивая о своей дочери. Беглянка доверилась случайной женщине, оказавшейся гречанкой, сочувствующей христианам. В ее доме, в селении Фул, что находится между Кара-Дагом и Отузами, она и нашла себе приют. Гречанка не только приютила, но сделала все, чтобы ее временная гостья, ничем не тяготилась. И все было бы хорошо, если бы жизнь первых христиан не сопровождалась разными чудесами. Появление Варвары в Фулах началось с чудес, которые не могли быть незамеченными окружающими. Сад гречанки, побитый морозом, вдруг вновь пышно зацвёл, а глухонемой её сын стал различать речь. Естественно, об этом всюду заговорила округа. Дошла весть о чудесах, происходивших в селении Фул и до язычника-отца. Догадался Диоскур, кто скрывается у гречанки, и ночью сам, в окружении большого числа слуг и воинов, окружил её дом.

Как была, в одной рубашке, так и бросилась Варвара к окну, и, незамеченная преследователями, с именем Иисуса на устах, бросилась в колодец. Но не утонула она. Поддержали упавшую Божьи ангелы и отнесли подальше от Фул, к подножью Отлукая.

В ту ночь у Отлукая остановилась отара овец. Задремавший пастух, молодой тавр, был донельзя поражён, когда рядом с собой увидел какую-то полуобнаженную девушку.

– Кто ты, зачем пришла сюда, как не тронули тебя мои овчарки? – посыпались вопросы И Варвара не скрыла от пастуха, кто она и почему бежала.

– Глупая ты, – заговорил чабан, став более красноречивым, чем ослица Валаама. – от своих старых богов отказываешься. Кто же поможет тебе в горе и беде, если не боги, которым молились предки твои? Нехорошее дело ты затеяла, ох, нехорошее... Боги не терпят отступников

Упреки прекратились, когда чабан заметил слезы на глазах девушки и то, как дрожит она от холода, он пожалел её, завернув в свой чекмень.

– Ложись, глупая, спи до утра. Ничего не бойся. Здесь никто тебя не тронет. Собаки мои защитят тебя.

Прошептав святое слово, уснула Варвара под кустом карагача

Казалось, самыми добрыми были намерения пастуха овец. Но все намерения разом исчезли, когда чабан увидел разметавшиеся пышные волосы случайной гостьи при свете рождающегося утра. Такой красавицы пастуху прежде видеть не приходилось.

И не выдержал пастух...

Бросился к ней с недоброй мыслью, забыв о долге гостеприимства. Бросился... и остолбенел, а за ним застыло и все стадо. Окаменели все. Только три овчарки, которые лежали у ног святой, остались, по назначению Божью, охранять её до утра.

С первым утренним лучом проснулась Варвара, но не нашла ни пастуха, ни стада. Вокруг неё и по всему бугру, точно овцы, белели странные камни, и между ними один длинный, казалось, наблюдал за остальными. Жутко стало почему-то на душе у девушки. Точно случилось что-то, что скрыл от нее Создатель? И побежала она вниз с горы, к морскому заливу. Впереди бежали три овчарки, указывая ей путь в деревню. Удивились в деревне, когда увидели собак без стада. Не знала, что сказать селянам и Варвара.

Только потом догадались люди, побывав на том месте, которое указала им девушка.

В это время у деревни, в заливе, отстаивался ливанский корабль. Он привёз таврам разные товары и теперь ждал попутного ветра, чтобы вернуться домой.

Донеслась до слуха Варвары родная сирийская речь. Пошла девушка к кормчему, и стала просить взять её с собой. Нахмурился суровый сириец, но, поглядев на девушку-красавицу, улыбнулся. Недобрая мысль у кормчего тотчас свила себе гнездо.

– Хоть и не в обычае нашем возить с собой женщин, – сказал он, хищно улыбаясь, но я возьму тебя. Ты – дочь Ливана?..

– Нет, я – сирийка!

Не родился еще у Варвары дар предвидения, она, как ребенок, радовалась «благоприятному стечению обстоятельств».

Подул ветер от берега. Подняли паруса моряки, и легко побежал корабль по морской невысокой волне.

Варвара зашла за мачту и сотворила крестное знамение. Заметил это кормчий и еще раз нехорошо улыбнулся.

– Тем лучше! произнес он мысленно, – христианку обидеть не грешно перед богами.

Потом позвал девушку к себе, в каюту, и стал расспрашивать: как и что. Смутилась Варвара и не сказала всей правды. Жил в душе Иисус, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И потемнели небеса; с моря надвинулась зловещая, чёрная туча; недобрым отсветом блеснула далёкая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла она гнев Божий. На коленях стала молить – простить её.

А навстречу судну, на котором Варвара была, неслась боевая триера, и скоро можно было различить седого старика начальствовавшего над нею. Узнала Варвара гневного отца своего, защемило сердце, и, сжав руки, стала призывать имя своего Господа. Подошёл к ней кормчий. Всё рассказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучает её старик, убьёт за то, что отступилась от веры отцов. Но, вместо ответа, сириец скрутил руки девушки и привязал косой к мачте, чтобы она не бросилась в воду.

– Теперь моли своего Бога, пусть тебя Он выручит тебя! со злорадством воскликнул кормчий.

Сошлись корабли. Как зверь, прыгнул Диоскур на борт ливанского корабля; схватил на руки дочь и швырнул её к подножью идола на своей триере.

– Молись ему! – приказал отец.

А Варвара повторяла громко, так, что все слышали вокруг, имя Иисуса.

– Молись ему! – Диоскур ткнул носком туфли в прекрасное лицо дочери.

– За тебя молюсь моему Христу, – чуть слышно прошептала святая мученица и хотела послать благословение и злому ливанцу, предавшего ее, но не увидела его.

Налетел бешеный шквал, обдал сирийский корабль пеной и точно белой корой непроглядной покрыл его.

Налетел другой, и не стало видно ни пены, ни корабля. А когда спала волна, то на месте корабля выдвинулась из недр моря подводная скала, точно бывший корабль.

С тех пор прошли века. От камней овечьего стада и чабана осталось совсем немного.

А вот окаменелый корабль остался, разрезая парусом каменным волны морские

Святая могила

Свершая грех, что думает святой?
Что благодать ниспослана от Бога?
Так он далек от истины простой:
У дьявола приманок слишком много
И если озарение придет, —
Грех не велик, и совершен невольно, —
Сознание вины созреет и взойдет...
И этого для Господа довольно

Все в руках Аллаха. Велик и милосерден Аллах. Молились правоверные в Отузской мечети, как принято. В мольбе татар ничего не изменилось. Как и теперь, также молились татары и триста лет назад. Как и теперь близь деревни бежал горный ручей, звеня своими струями, также зеленели сады и виноградники. Также возвышался над всеми строениями стройный, высокий минарет.

Вот только и следа не осталось от сакли, в которой триста лет тому назад проживал хаджи Курд-Таде. С большим трудом на заработанные гроши совершил Курд-Таде хадж в Мекку, успел по пути очистить от земли и мусора два источника воды и посадить дерево. Никто и никогда не слышал от него лживого слова. Не было ни одного в округе страждущего, кому бы он не подарил слова утешения. Будучи бедным, он не отказывал никому в куске хлеба. Двери его сакли всегда были открыты для странников.

– Святой человек, – говорили в народе, и каждый с благоговением прижимал руку к груди, завидев идущего на молитву хаджи. А ходил Курд-Таде в мечеть, чтобы творить намаз, всегда легкой бодрой походкой, словно и не было на плечах его многих десятилетий нелегкой жизни. Должно быть, ангелы поддерживали его, когда старые ноги поднимались по крутым ступенькам минарета, откуда он ежедневно слал во все стороны свои заклинания. И в такие минуты было на душе старика светло и радостно, словно Божий луч касался его, придя с высоты небесного престола.

Более трех лет прошло, когда он потерял верную спутницу жизни старую Гульсун. Не забывал о ней хаджи. Помнил о ней и тогда, когда впервые улыбался своей новой жене Раймэ, обликом своим напоминавшей небесных гурий, которые ждали его в будущем раю. А в том, что хаджи Курд-Таде достоин рая, никто в Отузах не сомневался. Сколько святых дел совершил хаджи, за которые пророк охотно открывает правоверному двери рая.

Только, что поделать, если человек предполагает, а Аллах – располагает? Никто сказать не может, как закончит жизнь, когда еще живет?

Как ни был стар хаджи Курд-Тадэ, однако радостно улыбался, когда глядел на свою Раймэ!

И, когда падала фата и на святого хаджи глядели ее жгучие глаза, полные ожидания и страсти, сердце праведника, дотоле чистое, как родник, темнилось отражением греховного видения.

В такие мгновения забывал хаджи старую Гульсун... А Раймэ, ласкаясь к старику, шептала давно забытые им слова и навевала дивные сны давно минувших лет.

Не считал греховным ответ свой на страстную любовь Раймэ. Напротив, он радовался тому, что может еще любить. Радуется ведь человек, когда зеленеет земля после зимней спячки, снимая с себя белую шубу, цветом похожую на саван. Почему же не радоваться новому весеннему цветку в жизни своей?

И не знал хаджи, какие еще новые слова благодарности принести Пророку за день весны на склоне лет.

И летело время, свивая вчера и сегодня в единое, прекрасное...

Только раз, вернувшись из сада, где он трудился, не узнал старик прежней Раймэ. Такие глубокие следы страданий отпечатались на ее прекрасном лице; такое безысходное горе читалось в ее взоре. И в первые не нашлось слов утешения у Курд-Тапе. И впервые кусок хлеба не полез в горло его...

И впервые ночь была холодной для души старика, и сон его был некрепок. Донес ветер, дующий с гор слова безумия и отчаяния:

– Милый, желанный, свет души моей, вернись! Забудь ту, которая околдовала тебя, злую, коварную. Вернись к своей любимой, как ты меня прежде называл. Вернись навсегда. Скоро старый закроет очи, и я буду твоей, твоей женой, твоей маленькой, лучистой Раймэ.

Протянул руку хаджи и не нашла рука рядом лежащего юного тела. Глянул хаджи, и увидел:

На пороге сеней в безысходной тоске рыдала, сжимая колени, молодая женщина.

Скоро муэдзин пропоет с минарета третью ночную молитву. Хаджи, не торопясь, оделся, вышел из усадьбы и, никем не замеченный, пошел к Папас-тепэ.

На середине горы, куда направлялся Курд-Таде, прежде находился греческий храм, и от развалин храма вилась по скале на самый верх узкая тропинка. Поднимался по ней старый Курд-Тадэ, часто останавливаясь и задыхаясь, то ли от усталости, то ли от избытка тягостных чувств, переполнявших его душу. Вот и вершина горы. Припал он к земле на вершине горы, и крупные слезы покатались из глаз святого.

Не знала душа хаджи лжи. А теперь, чувствовал он, ложь рядом стояла, обвивая душу, как густой туман окутывал тело его, спускаясь к вершине горы, к которой он припал.

И услышал он голос Духа. И ответил хаджи на этот голос голосом своей прежней совести:

– Пусть молодое вернется к молодому, и пусть у молодости будет то, что она боится потерять. Если угодна была моя жизнь Аллаху, пусть Великий благословит мое моление.

И в молении, не знаящем себя, душа святого стала медленно отделяться от земли и уноситься вдаль, в небесную высь.

Легендой к следующим поколениям пришла правда о святом. И ходят на гору к могиле святого отузские женщины и девушки, когда хотят вернуть прежнюю любовь.

Осадный колодец

Нет в мире крепости такой,
Чтоб не взяла измена —
За золото ли, иль за покой...
Найдется непременно
Тот, у кого душа слаба,
В ней трещины и щели,
Пусть в роли жалкого раба...
Спаستись, иной нет цели.

Расчеты не действуют, когда в дело вмешивается провидение, руки опускаются от бессилия, а это уже прямой путь к поражению

Недалеко от села Залесного, на плато Столовой горы, вытянутой с севера на юг и огражденной обрывистыми скалами, находятся руины раннесредневекового города Эски-Кермен (Старая крепость), основанного в начале VI веке. Первоклассная для своего времени крепость могла противостоять любому противнику. Отвесные скалы практически неприступны, а там, где в скалах есть расщелины, возвышались боевые стены с башнями. В систему обороны входили хорошо защищенные ворота и вылазные калитки, а также пещерные казематы – вырубленные в скалах помещения с бойницами и амбразурами. За стенами могли укрыться несколько тысяч жителей окрестных деревень со скотом и личным имуществом. В мирное время вода поступала в город-крепость по керамическим трубам. На случай осады был сооружен осадный колодец, Уникальное сооружение: шесть маршей лестницы в подземелье, с лестничными площадками, чтобы могли разминуться водоносы и при входе помещения для охраны, все искусственного происхождения, вырублено в скале. И, несмотря на это, неприступная крепость во время восстания жителей была взята хазарами. Причем в осадном колодце был произведен пролом. Создается впечатление, что кто-то, находящийся в крепости, помогал хазарам.

А что он заслужил за свою помощь, о том говорит легенда:

787 год Старая Крепость готовилась к осаде. Подходы к крепости заняли военные отряды хазар. С поручением от главы Готской епархии, вдохновляющего своими призывами восставших, направлялся верный ученик епископа Иоанна – Кирилл.

Стояла прохладная, безветренная погода. Корабль, на котором плыл посланец, мужчина высокого роста, крепкого сложения, с потемневшим лицом от длительного пребывания на солнце, попал в полосу безветрия и долго болтался в море с повисшими парусами.

Положение походило на то положение, в какое Кирилл попал, возвращаясь из Константинополя, куда он плывал, опять же, по поручению Иоанна. Тогда на пути к Бараньему Лбу, на котором стоял храм Апостолов – резиденция епископа Иоанна, тоже пришлось несколько дней томиться от бездействия, Разница состояла в том, что теперь в крепости его возвращения ждала любимая женщина по имени София. В подарок он вез ей гранатовое ожерелье. Но вот подул попутный ветерок, ожидание кончилось. Он высадился на берег и знакомыми ему тайными тропами, минуя заслоны хазар, расположившиеся в садах и виноградниках, подошел к воротам крепости. Его легко впустили, зная, кому Кирилл служит. Стражникам хорошо был знаком его голубой шерстяной плащ, застегивающийся на плече бронзовой фибулой. На поясе сверкала пряжка с извивающейся серебряной змеей, оберегавшей от нечистой силы.

София ждала его в небольшой каморке неподалеку от большой базилики, где она служила у настоятеля. Здесь он провел с ней немало дней год назад, когда познакомился, сопровождая Иоанна во время его визита в крепость.

– Почему тебя так долго не было? – спросила София, обнимая и целуя любимого.

– Я находился в Константинополе.

Она не спрашивала, что он делал там: женщина не должна знать, какими делами занимается мужчина.

– Я принес тебе оттуда подарок, сказал Кирилл, доставая из сумы, подвешенной к поясу ожерелье из крупных гранатов, и надевая его ей на шею.

Глаза женщины заблестели счастьем: «Значит, он думал о ней»...

– Я часто думал о тебе, сказал Кирилл, целуя женщину в шею

Долго находиться с Софией Кирилл не мог. Время было слишком тревожное. Кроме того предстояло встретиться с руководителями обороны города и передать им послание епископа Иоанна Готского.

Находиться в осажденной крепости, сложа руки, было невозможно. Скоро Кирилл стал своим среди воинов одного из Пещерных казематов, защищавших наружные подступы к Осадному колодцу. Он помогал носить каменные ядра для баллист, готовил еду, стоял в ночных караулах

С Софией он тайно встречался каждый день. Ей было хорошо с ним, она горячо любила этого загадочного мужчину, соратника Великого Иоанна. И он находил в девушке свое успокоение. Они не могли обвенчаться: сейчас это было не к месту. Но София оказалась для Кирилла единственной, страстно любимой женщиной. Почему-то он сравнивал их любовь со светильником, горящим в ее уютной каморке. Его золотой огонек то вспыхивал, то сникал, то вновь оживлялся.

– Если светильник угаснет, я погибну! – как-то промолвил он. Она не ответила, но стала тщательно следить за лампадой, все время подливая в нее масло.

Иногда ночью, урвав от обязанностей мгновения, они сидели у стен базилики и смотрели в горы, в сторону Дороса, где располагалась резиденция Иоанна Готского. Уже подкрадывалась, клубясь белыми холодными туманами, осень. Ночи становились холодными. Он гладил ее волосы. Укрывал стынувшие плечи своим плащом. Целовал. Однажды в полночь Кирилл увидел условный знак, который подавал ему Иоанн, – в горах три пылающих костра: два рядом, а третий, словно вытекающая горячая капля смолы, – под ними. Кирилл крепко сжал серебряную змею на пряжке, и острое жало впилося в ладонь. «Что произошло?» – Хотелось крикнуть ему. Но он сдержался, рядом с ним была София. Что будет с нею? Не мог он сказать Софии о том, что знак с кострами приказывал ему сдать крепость хазарам! Он понимал, что защитники крепости не согласятся с требованием епископа. Ведь все пока шло так успешно, Готия почти очистилась от хазар? И вдруг этот зловещий знак с кострами, приказывающий ему сдаваться врагу. Нужно действовать тайно. Он распрощался с Софией и ушел, чтобы приступить к исполнению присланного приказа. За себя Кирилл не волновался, его оберегал сердоликовый камень, выданный Иоанном. Он служил пропуском по всей Готии, и должен спасти от ненавистных хазар. На отвесную стену, где рядом, в толще скал, был прорублен колодец, он тайно от всех вылил амфору красной краски, взятой у мастеров кожевников. Красный подтек, как кровавый след, прочертил отвесную скалу. А днем осажденные, неожиданно для хазар, да и Кирилла тоже внезапно предприняли вылазку. Такая дерзость, выполненная решительно и быстро, имела успех: хазарские повозки с вяленным мясом и хлебом были разграблены, участвующие в вылазке, отбиваясь от преследователей, поспешили к отворенным воротам крепости. Ворота захлопнулись перед самым носом хазар. Обозленные хазары решили тут же начать штурм крепости. Появились штурмовые лестницы, полетели на стены железные крючья, привязанные к канатам. Со стен и башен крепости на штурмующих посыпались град каменных

ядер и туча стрел. Полилась кипящая смола. Обожженные смолой и кипятком, окровавленные и ожесточенные, хазары упорно лезли по стенам крепости. Осажденные рубили канаты с крючками, сталкивали осадные лестницы, сбрасывали бревна, сметавшие целые ряды противника. Под стенами бушевал кровавый ад. Свистели камни и стрелы, падали тела, стонали раненые, горели снопы соломы и хвороста. И хазары отступили, поняв, что каменный город неприступен, а восставшие живыми не сдадутся.

После дневного штурма Кирилл готовил еду для воинов каземата и подсыпал в пищу снотворного порошка. После сытного ужина, приготовленного из трофейного мяса, защитники Осадного колодца хотели пить и послали Кирилла за водой. Захватив факел и амфору, Кирилл стал спускаться по ступеням. София тоже пришла с двумя амфорами и проскользнула вслед за ним. Во время осады крепости ей поручалось готовить кипяток. Днем всю воду выплеснули на осаждающих, и ей нужно было наполнить котел. За третьим маршем лестницы она шепотом обратилась к Кириллу:

– Любимый, ты чем-то встревожен? – Эхо голоса громко зашелестело в каменном колодце.

– Говори тише...

– Хорошо.– Согласилась София, понимая, что ее встречи с Кириллом едва ли найдут понимание со стороны защитников крепости.

– Сегодня хазары возьмут крепость, – негромко сказал он, глубоко вздыхая.

– Ты пал духом? Откуда такая уверенность? Ведь днем все атаки врагов были отбиты?..

– Я помогу хазарам!

– Ты предашь восставших? – оторопела София.

– Да, я получил приказ от самого Иоанна, – оправдываясь, прошептал он.

– Не может быть!

– Я сам ничего не понимаю, но я обязан выполнять приказ духовного владыки. Ты сама видела расположение костров...

– Но хазары убьют всех, находящихся в крепости!

– Такого не случится, слуги Иоанна должны договориться с хазарами о помиловании его приближенных.

– А как они узнают их в толпе восставших?

– По тайному камню-знаку.

– А что будет со мной?

Он наклонился к ней и прошептал в самое ухо:

– Надень лучшее платье и повесь на шею гранатовое ожерелье: оно будет твоим знаком, хазары не тронут тебя...

Кирилл и София не могли представить себе, что их шепот в колодце разнесся эхом, ударяясь о каменные стены, и обрывки разговора услышал один из защитников каземата, случайно последовавший за ними в колодец. Воин не все понял, из доносившихся обрывков слов, но он четко расслышал фразу о том, что хазары возьмут крепость, что Кирилл поможет им. Воин доложил командиру. Как только Кирилл поднялся из колодца с амфорой в руке, старшина каземата арестовал его. В это время как раз начался ночной штурм крепости.

– Будешь выливать кипящую смолу на своих братьев-хазар! – приказал старшина. – А чтобы ты не убежал, посадим тебя на цепь, а утром разберемся...

Софии удалось незаметно выйти из колодца и пробраться в свою каморку. Огонь лампы дрожал и вдруг внезапно погас, хотя масла в лампаде было еще много, да и ветра не было. Она поняла, что это знак смерти Кирилла.

Хазары пошли на ночной штурм. Со всех сторон на черепичные крыши домов и стены крепости летели огненные стрелы. Стоял страшный шум. Штурмующие колотили палками о железные чаны, били в бубны, кричали и галдели. Встревоженные защитники замерли

на своих местах, напряженно всматриваясь в темноту и огненные блики костров – ждали внезапного появления хитрых хазар. Крепость осаждали со всех сторон, и нельзя было понять, откуда враги нанесут свой главный удар. Почти всю ночь стоял небывалый тревожный шум, вспыхивали и гасли костры, летели шальные огненные стрелы, были попытки пробить и сломать главные ворота, и защитники крепости не смыкали глаз. А охрана Осадного колодца крепко спала, валяясь на камнях и в каземате – где кого сразил крепкий сон. Только Кирилл, прикованный цепью, стоял у края обрыва. Рядом в казане кипела смола. Он хорошо видел и слышал, как, пользуясь шумом – ложным штурмом крепости, хазары поднесли стенобитную машину и долбили проход в скалах в том месте, где Кирилл вылил красную краску. Мягкий известняк легко поддавался ударам кованого тарана, и очень скоро стена проломилась. Тут же в рваный проем, наклонившись, стали проскальзывать вооруженные хазары. На ногах у них были войлочные мягкие туфли, и враги бесшумно ступали по каменным ступеням, просачиваясь и просачиваясь в крепость. Кирилл мог закричать, поднять шум, разбудить своего охранника и крепко спавших защитников, но он спрятался за котел со смолой. Оттуда он видел, как тени – одна, вторая, десятая, сотая выбирались из квадратного колодца и исчезали среди кривых переулков. Кирилл выполнил приказ Иоанна и предал восстание.

Побоище началось рано утром, когда защитники крепости еще крепко спали, а хазарские воины уже могли ориентироваться в каменном лабиринте города. Первыми были изрублены защитники ворот, затем распахнуты окованные железом тяжелые створки – и в проем с гиком и свистом хлынула хазарская конница.

Всех защитников, захваченных в плен на крепостных стенах, хазары предали мучительной смерти: одних сжигали на кострах, других бросали в котлы с кипящей смолой или сажали на кол. Кровавый закат и кровавый пожар горели над крепостью.

Хазары оставляли в живых только богатых жителей города, одетых в роскошные наряды.

Кирилл тоже попал в плен и пытался доказать хазарам, что это он помог им во взятии крепости, но тайного знака – камня-сердолика – у него не оказалось: отобрали, когда приковали к цепи. Кирилл был посажен на кол.

София появилась перед ним в алом наряде с гранатовым ожерельем на обнаженной шее. Он оказался прав: ее спасло гранатовое ожерелье. Девушка, таясь, подкралась к нему, пока хазарские воины гуляли на тризне, и вытерла кровь с его запекшихся губ. Снять его с кола она не смогла, да в этом уже и не было нужды: он доживал последние минуты.

– Прощай, мой возлюбленный! – София не рыдала, бледная, без кровинки в лице, она тяжело страдала. – Твой ребенок стучит в мое сердце.

– Сохрани дитя, берегись и уходи отсюда: хазары нагрянут и тогда уже не пощадят тебя! – говорили его глаза.

А так ли то все было?.. Надобно еще раз обратиться к историческому источнику – «Житие Иоанна Готского»?

Грибы отца Самсония

Творя добро, разбудишь ложь.
Во благо – ложь святая,
Сомненьем душу не тревожь,
Коль благо расцветает.

Шел 1825 год. Один из местных татар пас овец в долине Кизилташ, названной так потому, что располагалась она у подножия высокой скалы из красного известняка (по-тюрски «Кизилташ» – красный камень). День был очень жарким. Чабан решил спрятаться от зноя в гроте, в глубине которого был вырублен в скале небольшой колодец. Подойдя к нему, пастух увидел плавающую на его поверхности старую икону с образом Богородицы. Эту икону татарин извлек из воды и передал греческому купцу. От купца икона попала в храм Стефана Сурожского.

Молва о чуде быстро разнеслась по Восточному Крыму, и потянулись в урочище Кизилташ к гроту с колодцем толпами паломники. Ежегодно, в день Успения Божьей матери (15 августа) сюда стали приглашать священников из Судака. Число паломников болгарского, греческого, русского и татарского происхождения в такой день достигало 700 человек. Молва стала распространяться об исцелении чудодейственной водой из Кизилташского колодца. Кроме того, очень полезной «в лечении от ломоты» считалась грязь со дна болотца, находящегося чуть ниже источника. Этой грязью намазывали больные члены и давали ей высохнуть, после чего боль проходила. Рядом с источником начали селиться богомолыцы, а в 1853 году несколько дней в урочище Кизилташ провел архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. Дал он благословение на строительство монастыря в Кизилташе. И уже в 1856 году в округе целебного источника начали возводиться первые постройки монастыря во имя святого Стефана Сурожского. С Кизилташской киногией связано имя одного из крымских святых – игумена Парфения, который в 1858 году был назначен настоятелем монастыря. Парфений был не просто хорошим священником, но заметно отличился и на гражданской и военной службе, был изобретателем, обладал значительным умом. Это был мужественный и деятельный хозяин кизилташских лесов. Парфений не терпел лени и воровства. И поэтому вел жесткую борьбу с местными татарами, которые без зазрения грабили монастырское хозяйство – прежде всего рубили лес. В конце концов, противостояние достигло своего пика – осенью 1866 года трое татар из поселка Таракташ (ныне с. Дачное около Судака) жестоко убили игумена в лесу, а после сожгли его тело. Вскоре виновные были арестованы и казнены.

Время действия легенды о грибах Самсония происходит в то время, когда Кизилташским монастырем управлял игумен Николай, человек великой души. К нему прислало епархиальное начальство на эпитимию отца Самсония. В киногии скоро полюбили нового иеромонаха за его веселый, добрый нрав, за сердечную простоту и общительность. В свой черед и отец Самсоний привязался к обителю, сроднился с горами, окружавшими высокой стеной монастырь; сжился с лесной глушью и навсегда остался в Кизилташе.

Не единой молитвой монахи сыты бывают, и отшельникам люди и звери пропитание несли. А если земли у киногии мало, а монахов много, то и игумену задуматься надо, чем кормить монашеское братство. Кизилташский монастырь не относился к числу богатых. Жизнь текла в трудах и молитвах тихо и размеренно.

Раза два-три в год наезжала помолиться Богу, а кстати по ягоду и грибы, местная отузская помещица с семьей, и тогда дни эти были настоящим праздником для всех монахов и особенно для отца Самсония.

Монахи слышали звонкие женские голоса, общались со свежими наезжими людьми, которые вносили в их серую, обыденную жизнь много радости и оживления. А отец Самсоний знал, как никто, все грибные и ягодные места, умел занять приветным словом дорогих гостей и потому пользовался в семье помещицы особым расположением.

Уезжая из обители, гости оставляли разные съедобные припасы, которые монахи экономно сберегали для торжественного случая.

Так шли годы, и как-то незаметно для себя и других, молодая, жизнерадостная помещица обратилась в хворую старуху, да и отец Самсоний стал напоминать высохший на корню гриб, не нужный ни себе, ни людям. Почти не сходил он со своего крылечка, обвитого виноградной лозой. По грибы отправлялся только тогда, когда приезжали старые отузские друзья.

И вот однажды, когда настала грибная пора, игумен, угощая отца Самсония после церковной службы обычной рюмкой водки, сказал:

– По грибы гостей больше не поведешь.

– Почему?

– Повидал я нашу благодетельницу из Отуз. Сильно сдала она, еле ноги волочит. Боится, что не дойдет к местам грибным. А жалеет, будто сон ей был такой, что, в год когда она по грибы не пойдет, – в тот год и помрет. Сокрушается, старая барыня..

Жаль стало отцу Самсонию старой отузской помещицы, не из корысти, а от чистого сердца; Что-то задумал он и стал просить:

– А вы ее, отец игумен, все-таки уговорите; грибы будут сейчас за церковью, в дубняке.

– Насадишь, что ли? – усмехнулся отец Николай, но обещал похлопотать.

И действительно помещица, к общему удивлению, собралась и приехала со всей семьей в монастырь.

Обрадовались все ей, радовалась и она, услышав знакомый благовест монастырского колокола. Точно легче стало на душе и притихла на время болезнь.

– Ну, вот и, слава Богу, – ликовал, потирая руки, отец Самсоний.

– Отдохните, в церкви помолитесь, а завтра по грибы.

А сам с ночи отправился в грибную балку у лысой горы и к утру, когда еще все спали, успел посадить в дубняке, за церковью, целую корзину запеканок.

Только что кончил свои хлопоты, как ударил колокол. Перекрестился отец Самсоний и сел под развесистым дубом отдохнуть. От усталости старчески дрожали руки и ноги, и колыхалось, сжимаясь, одряхлевшее сердце. Но светло и радостно было на душе, потому что успел сделать все, как задумал.

Но радость затуманилась, когда увидел, что с верхней скальной кельи спускается суровый схимник, старец Геласий. Побаивался отец Самсоний старца и избегал встречи с ним. Ворчал Геласий, всех корил, ласкового слова от него не слышали, никто не видал, чтобы он когда-нибудь улыбнулся.

– Мирской суетой занимаешься! – набросился он на Самсония.– Обман пакостный придумал. Посвящение свое забыл. Тьфу, прости меня Господи, – отплюнулся старец и побрел в церковь.

Упало от этих слов сердце у отца Самсония, ушла куда-то светлая радость и не вернулась даже тогда, когда очарованная старуха, срывая искусно насаженную запеканку, воскликнула:

– Ну, значит, еще мне суждено пожить. А я уж и не чаяла дотянуть. Потом, глянув в сторону Самсония, добавила:

– Да что с тобой, отец Самсоний?

– Нездоровится что-то. Состарился, сударыня.– печально ответил Самсоний. Хотел подбодриться, улыбнуться, но...

В это мгновение возвращался Геласий из церкви, остановился, погрозил пальцем, сказал скрипучим голосом:

– Где копал, там тебя скоро и зароят.

Испугался Самсоний не на шутку. Всегда пророческими были слова старца – сбывались они:

– Значит, скоро зароят...

– Да что с тобой случилось, отец Самсоний, ты белым стал, как мел? – допытывалась помещица, уезжая из монастыря.

К ночи отец Самсоний почувствовал себя так плохо, что вызвал игумена и поведал ему о своем тяжком нездоровье, о том, как корил и что предрек ему Геласий и как беспокойно стало у него после того на душе.

– Ну, грех не велик, – успокаивал добрый игумен, – а за светлую радость людям, тебя сам Бог наградит.

Пошел игумен к Геласию, просил успокоить больного Самсония, но не вышло ничего. Отмалчивался Геласий и только, когда уходил игумен, бросил недобрые слова:

– На отпевание приду.

И случилось все так, как предсказал Геласий.

Недолго хворал отец Самсоний и почувствовал, что пришла смерть. Соборовали умирающего, простилась с ним братия, остался у постели один иеромонах и стал читать отходную.

Вдруг видит – поднялся на локтях Самсоний, откинулся к стене, на которой висела вязка сухих грибов, и засветились грибы, точно венец вокруг лика святого. Вдохнул глубоко Самсоний и испустил дух.

Рассказали монахи друг другу об этом и стали коситься на Геласия, а Геласий трое суток, не отходя от гроба, клал земные поклоны, молился и шептал:

– Ушел грех, осталась святость.

Не понимали монахи слов, произносимых Геласием, и жутко на душе становилось.

А сколько разговоров пошло, когда, придя на девятый день к могиле отца Самсония, – а похоронили его, по указанию схимника, в дубняке, за церковью, – увидели, что у могильного креста выросло множество грибов?

Вырвал их всех, до одного, Агафангел иеродиакон; игумен окропил место святой водой; отслужили сугубую панихиду.

А на сороковой день повторилось все то же, и не знали монахи, что думать, – по греху ли, по святости совершается?

Пошли у монахов сны об отце Самсонии; стали поговаривать, будто каждую ночь вырастают на могиле его грибы, а к последней звезде ангел Божий собирает их, и светится все кругом.

Стали замечать, что если больному отварить гриб, сорванный вблизи могилы, то тому становится лучше.

Так говорили все в один голос, и только Геласий схимник хранил гробовое молчание и никогда не вспоминал об отце Самсонии.

Но, как раз в полугодие кончины Самсония, случилась с Геласием беда. Упал, сходя с лестницы, сломал ногу и впал в беспамятство. Собрались в келье старца монахи – не узнавал никого Геласий, а когда игумен хотел его приобщить, оттолкнул чашу с дарами.

Скорбел игумен и молил Бога вразумить старца. Коснулась молитва души Геласия, поднялись веки его, принял святые дары, светло улыбнулся людям и чуть слышно прошептал:

– Помните грибы отца Самсония. То были святые грибы

Султан-Салэ

Степи полынные, степи ковыльные, степи, бурьяном поросшие. Отары овец, пасущиеся на степных просторах под палящим солнцем Саманные приземистые домишки в сельских небольших поселениях. Ни деревца, ни кустика винограда... Озерца с соленой водой, да редкие источники питьевой воды. Откуда легендам в таком крае появиться? Беден легендами Джанкой, столица степного Крыма. Пытаюсь, напрягая память, вспомнить... И, о счастье, вспоминается легенда рождается легенда, да и та больше на сказку похожая, все потому, что поработало время. Время течет, все разрушая бурями и грозами своими. Развалины остаются, мысли людей тревожа вопросами: что, кем и когда здесь было построено? Развалины Султан-Сале таких вопросов не рождает. Сто лет назад развалины Султан-Салэ стояли такими же, как и теперь. Бури и грозы не разрушили их. Видно, хорошие мастера строили мечеть Султана-Салэ, да и зоркий глаз наблюдал за строителями. Сам Султан-Сале следил. А ведь был Салэ раньше простым пастухом, и хата его была последней в Джанкое. Каким уважением он пользовался? Какой почет бедняку! Да не смел он переступить порога богатого дома. Согнувшись в три погибели, не смея взглянуть в лицо бея, выслушивал он приказания; старался избегать встреч.

Но как-то раз, ранним утром, выгоняя коров на пастбище, Салэ зашел на ханский двор и случайно увидел дочь бека. Легко, как горная козочка в горах, поднималась Ресамхан по лестнице. Нужно было только взглянуть на Салэ в эту минуту, он напоминал человека, случайно встретившего ангела.

Кажется, что впервые коровы сами управляли собой, и, если бы не собаки, многих коров не досчитались бы в Джанкое.

Вернувшись домой, бедный пастух ни к пище, ни к воде не притронулся. Мать всполошилась – в таком состоянии они никогда не видела.

– Что случилось? – спрашивала мать сына, присаживаясь рядом и притрагиваясь ладонью к его лбу. Лоб был таким же холодным, как и всегда. Сын, глубоко вздыхая прилег, носом в стену уткнувшись.

– Съешь сыночек хоть кусочек брынзы, хоть несколько глотков катыка сделай. – упрасивала мать.

Молчал Сале, отворачиваясь от миски с кислым катыком.

И вдруг по селению весть прокатилась о том, что внезапно умерла Ресамхан, случайно подавившись рыбьей костью. Когда узнал об этом Салэ, не стало в лице его ни кровинки. Челюсть у него отвисла, а глаза стали безумными. Открылось все матери, и поняла она, отчего обезумел сын, ее бедный Салэ, когда тот ночью принес тело девушки, вырытое из могилы.

Плакал Салэ, обнимая тело девушки, и от дыхания ли любви, от горячих ли слез его – стало теплым тело.

Бросился Салэ к матери, прося ее помочь.. И в простоте сердца сказала мать, что не умерла Ресамхан и, устранив кость, оживила девушку.

Но как только Ресамхан открыла глаза, поспешил Салэ укрыться от ее взора, ибо самый маленький камешек может смутить чистоту вод хрустального ручья.

Тронула сердце девушки такая любовь. По-счастью, великий Аллах дал ей не только красоту. Поняла она, что есть и чего нет в пастухе.

– Пусть пойдет, – сказала Ресамхан старухе, – в Кефеде, на пристань; там сидит Ахмет-ахай; он даст Салэ на копейку, другую мудрости.

Проник в душу пастуха Ахмет-ахай своим взором, когда пришел Салэ к нему на пристань, и дал совет:

– Первый, помни, не все то красиво, что красиво, а только то красиво, что сердцу мило.

Второй – Цени время, не спрашивай того, что тебя не касается.

Улыбнулась Ресамхан, когда мать пастуха рассказала о совете Ахмет-ахая.

– Пусть так и делает. И я скажу, что делать надо.. В Кефедде стоят корабли. Хорошо будет, если возьмут Салэ на большой корабль. В чужих краях он узнает больше, чем знают здесь, и тогда первый бек не постесняется принять его в своем доме.

Вздыхнул Салэ, просил мать спрятать Ресамхан, пока не вернется, и, нанявшись на корабль, отправился в дальние страны, и не вернулся назад, пока не узнал моря, как знал раньше степь.

В степи – ширь и в море – ширь, но не знает степь бурной волны, и тишь степная не страшит странника.

Когда корабль Салэ был у трапезундских берегов, повисли на нем паруса, и много дней оставался он на месте.

Послали Салэ и других на берег поискать воду.

У черной скалы был колодец, и корабельщики поспешили спустить в него свои ведра, но вытащили концы обрезанных веревок.

– Нужно посмотреть, кто сделал это? – сказал Салэ.

Однако из страха никто не полез.

Салэ, обвязавшись веревкой, спустился сам.

У воды, в пещере, сидел старик, втрое меньше своей бороды; перед ним красавица арабка кормила собаку, а вокруг стояло тридцать три кола и на всех, кроме одного, торчали человеческие головы.

– Собанных-хайр-олсун, – приветствовал Салэ старика. И на вопрос – как сюда попал, присев на корточки, рассказал, как все случилось.

Усмехнулся старик:

– Если у тебя есть глаза, ты должен видеть, куда попал. Почему мне спросил, что вес это значит?

– Есть мудрый совет, – отвечал Салэ, – не спрашивать о том, что тебя не касается.

Удивился старик..

– Вижу, ты не так прост, как кажешься! Скажи, мудрец безбородый, что красивее: арабка вот эта, или собака.

Не задумываясь Салэ, ответил:

– Не все то красиво, что красиво, а только то красиво, что сердцу мило.

Старик и, замахнувшись ятаганом, снес головы арабке и собаке, и сказал

– Как-то раз ночью, придя к жене, я нашел подле нее чужого, и, по моему слову, женщина стала собакой, а мужчина женщиной. Ты видел их, прежде чем я снес им головы. Сюда и до тебя приходили люди. Бараньи головы их ты видишь на колу, а твоя останется на плечах. Только от тебя я услышал мудрее ответы на мои вопросы.

И старик наградил Салэ. Кроме воды, вынес Салэ из-под земли ведро разных камешков.

Не бросил их назад в колодец, как советовали корабельщики, а послал с первым случаем к матери в Джанкой.

Мать смотрела на камни и думала – совсем потерял Салэ разум Но Ресамхан сказала старухе, чтобы позвала богатого караима, и караим отдал за камни столько золота, столько редко бывает на свете.

А через год возвращался Салэ домой и на пути в Джанкой встретил табуны лошадей, и отары овец, и стада скота, и когда спрашивал – чьи они, ему отвечали:

– Аги Салэ.

– Видно новый богач в Джанкое появился – думал Салэ..

Много лет не был Салэ в Джанкое и не узнал селения. Сердце упало, когда не увидел своего жалкого жилища. На месте ее стоял большой дом, должно быть тоже Аги-Салэ.

Поник он головою и в печали сел у ограды нового дома. Увидела Ресамхан Сале у ограды и послала старуху-мать позвать его в дом.

Первым богачом стал Салэ на деревне, первым щеголем ходил по улице, а когда садился на серого коня, выходили люди из домов посмотреть на красавца-джигита.

Увидел его старый бек из башни ханского дворца, послал позвать к себе, три раза звал, прежде чем пришел к нему Салэ, а когда пришел, позвал бека к себе в гости.

Угощал Салэ старика, и не знал тот, что подумать. Ведь никто, кроме Ресамхан, не умел так приготовить камбалу, поджарить каурму, какими его здесь угощали..

– Если бы Ресамхан была жива, отдал бы ее за тебя – сказа Ага, гллубоко вздыхая.

И тогда открыл Салэ беку свою тайну, и сорок дней и ночей пировал народ на свадьбе Аги Салэ.

Через год родился у бека внук и стали называть его Султаном-Салэ.

А когда Султан-Салэ стал старым и не было уже в живых его отца, построил он в его память, на том месте, где стояла прежде хата, такую мечеть, какой не было в окрестности.

Ну, а слушателю легенды следовало бы подумать о том Джанкое, что прежде стоял вблизи селения Султановка, по пути от Феодосии к Отузам, только Джанкой тот был греческим поселением, а не татарским..

Пиратский маяк

Какую радость испытывает блуждающий в потемках человек, когда увидит огонек, невольно ноги понесут его к нему. Огонь в безветренную погоду напоминает корабельщику домашний очаг. Огонь на берегу в бурю предупреждает об опасности. Недаром в глубокой древности люди строили маяки, к себе манящие, и на строительство их денег не жалели. Вспомните о величественном александрийском маяке, входящем в число семи чудес света. Маяков в древности на Черном море не было, хотя опасностей немало поджидало мореплавателей.

Те, кто сегодня плывут по просторам Черного моря, не чувствуют опасности нападения тех, кто носил немало названий: флибустьеры, корсары, пираты.

Раньше пираты не давали прохода мирным торговым судам, нападая и грабя их. Черное море кишело ими. Правда, боспорский царь Евмел очистил от пиратов воды моря, но время шло, и они вновь появились.

Среди пиратов Понта своим коварством и жестокостью выделялся Тавр. Имя свое он получил от народа тавров, откуда и был родом. Исполинский рост, огромная физическая сила сочетались в нем с мужеством, смелостью и коварством. Он был умен и хитер. Тавр в переводе означает Бык, кличку ему дали греки за его стремительность силу и непредсказуемость. Нападения Тавра и его пиратов всегда были внезапны и беспощадны. Они грабили и топили торговые суда, медленно плывущие мимо скалистых берегов. Своих кораблей тавры не имели, они были горцами и, спускаясь к морю, прятались между утесов, выслеживая путь купеческих судов. А в тайных небольших бухточках и гротах у них стояли на приколе легкие лодки для окружения тяжело груженных кораблей. Понтийский царь Митридат поддерживал пиратов, если они нападали на римские суда, или купцов, торгующих с римскими областями. Он вел долгую и непримиримую войну с Римом

Военная когорта, посланная в Пантикапей для осады города, возвращалась в Херсонес.-главную базу римского войска на севере Понта. Задача была выполнена блестяще и без кровопролития. Старый понтийский царь, окруженный изменниками, велел телохранителю заколоть себя. Он предпочел смерть позорному плену. Опьяненные победой над грозным царем, войска, ликуя, отплыли в Херсонес. Нагруженные награбленным добром, корабли медленно двигались вдоль берегов Тавриды. Стояла поздняя осень. Горы окрасились в желто-красный цвет, Ярко светило солнце. Но, небо вдруг потемнело, и на море разыгралась жестокая буря. Корабли разбросало среди бушующих волн. Совсем рядом виднелись берега, но повернуть к ним – означало бы верную гибель: там они бы разбились об острые скалы. Буря набирала силу, все труднее становилось действовать веслами и бороться со страшными порывами ветра и гигантскими пляшущими волнами.

– Это Нептун разгневался за нашу легкую победу над Митридатом и хочет покарать нас! – воскликнул сидящий на носу триремы старый центурион с лицом, сплошь покрытым рубцами, делавшими лицо, похожим на львиную морду. Вечер только приближался, а тьма опустилась на море такая, что кормчий не видел, куда направлять трирему. Внезапно на темном скалистом мысу появился огненный силуэт – громадный пылающий воин со шлемом на голове и круглым щитом в руке. Сквозь рев бушующего Понта донесся звук бубины.

– Смотрите, смотрите, сам огненный Юпитер указывает рукой путь нашего спасения! – закричал центурион.

– - Вперед, к берегу! – приказал префект когорты. Прикованные к скамейкам рабы дружно взмахнули веслами – им тоже не хотелось погибать в морской пучине. Римская эскадра, миновав небольшой мыс, нашла спасение в закрытой и не заметной с моря бухточке. Миновав пенный бурун у утеса, о который разбивались гигантские валы, передовая трирема вошла

в тихую гавань, где ветер свистел где-то там, высоко в скалах. Загадочный и странный маяк точно указал им верный путь. Вот только кто зажжет огни маяка? Откуда взялась укромная бухточка, неведомая кормчим? Римляне с шумом выскакивали на берег. Тут же воткнули длинный шест, увенчанный позолоченным орлом с распростертыми крыльями. На шесте эмблема императора – щитовидный значок и на нем волчица с оскаленной пастью на красном фоне. К префекту когорты подбежали разведчики и доложили: силуэт огненного воина вырублен в скале, где есть грот. Там и установлены светильники с маслом.

– Здесь есть люди? – спросил префект.

– Мы нашли только одну женщину, поддерживающую огонь в светильниках.

– Привести ее сюда! – приказал префект. Скоро перед ним стояла девушка, ладно скроенная одетая в шерстяную тунику, прикрывающую тело от осеннего холода. Густые черные волосы обрамляли смуглое лицо с черными сверкающими глазами.

– Что ты здесь делаешь? – по-гречески обратился префект.

– Чту память отца и братьев, – тихо ответила девушка.

– Кто ты?

– Я дочь гор! – гордо произнесла она.

– Где твои близкие?

– Они погибли в море, на рыбной ловле.

– Кто содержит тебя?

Глаза девушки гневно блеснули:

– Я – не содержанка! Сама зарабатываю себе на жизнь.

– Тебе не страшно быть одной?

– Я привыкла к одиночеству.

– Кто заставляет тебя поддерживать огонь, такой нужный терпящим бедствие на море?

– Память о погибших близких. Горел бы тогда огонь, они не погибли б!

– Но это требует значительных средств?

– Я их получаю с небольшого виноградника, принадлежащего мне. Получаю неплохое вино. Я надеюсь на то, что ты попробуешь его вкус. Пещера, в которой я прячусь в непогоду, находится совсем рядом.

Префект в сопровождении центуриона и дюжины легионеров двинулись вслед за девушкой.

В широком и высоком гроте на козьих и медвежьих шкурах стояли чаши, сделанные из черепов диких животных. Девушка отпила глоток, показав, что в чаше нет яда, и протянула ее префекту.

– Что-то недоброе таится в этом гроте и иссохших черепах! – подозрительно заметил центурион.

– Пей, дружище, нас, римлян, никто не посмеет тронуть! – лихо крикнул префект, уже опьяневший от первых глотков.

С триремы доставили пищу, скатили полные бочонки боспорского вина. Пили все. Праздновали победу над Митридатом и свое спасение от холодных морских глубин. Лишь дозорные, выставленные по краям бухточки, стояли хмурые и злые. Черепа с вином обходили их стороной.

Смуглая красавица в обнимку с опьяневшим префектом стала подниматься по каменным ступеням, уходящим к маяку.

– Куда вы, господин? – смущенно спросил телохранитель.

– В дворец богини Венеры!!

Меч ударил префекта за ближайшим поворотом, грудь ему проколол Тавр. Над каменным гротом внезапно раздался воинственный клич, и, сраженные дротиками и стрелами, пали римские часовые.

– К бою! – четко отдал команду старый центурион, не выпивший ни одного кубка вина. Римляне кинулись строить боевую «черепаху». Дротики, копья и стрелы пронзали замешкавшихся, не успевших прикрыться щитами. С разных сторон, взмахивая железными мечами, на них кинулись варвары.

– Отступить к триreme! – приказал центурион, встречая напористого варвара копьем из-за щита.

Внезапно от вершины скалы отвалилась большая каменная глыба и со страшной силой ударила в трирему. Камень пробил деревянные палубы, раскроил черепа прикованным рабам ж выбил дыру в днище судна. Трирема затонула на мелководье.

Пьяные римляне вяло отражали удары, а варвары с неистовой жестокостью рубили врагов, попавших в ловушку. Тавр стоял на каменной лестнице и наблюдал за кровавой сечей. Он видел, что старый центурион с ловкостью и большим искусством поражал наседавших врагов. К нему пробивались наиболее сильные легионеры. Они хотели вырваться из западни. Тавр рыкнул, как медведь, и бросился к центуриону. Тот прикрылся щитом, но Тавр страшным ударом разрубил щит и голову врага. Старый воин замертво распластался у его ног.

Скоро все закончилось. Триремы были разграблены и сожжены, римские солдаты перебиты, в гроте опять стояли чаши-черепа с вином, а огненный силуэт воина показывал рукой на спасительную бухточку. К ней, моля о помощи Юпитера, гребло новое судно...

Гордая Айше

Недаром гордыня входит в число смертных грехов. Гордость безмерная несовместима с любовью, Кто-то из двух должен уступить. И не всегда уступивший бывает внакладе. Недаром говорят о людях близких, не желающих уступить друг другу: «Нашла коса на камень» Да и легенды о том же говорят.

В древние времена местность здесь была красивой и загадочной. Над сказочным лесом возвышалось плато Бурунчук, А на Бурунчукеиз камня крепость была сложена. А из чего еще строить, если, куда ни посмотришь – везде камни? Мелкие камешки, крупные камни, на земле и в земле. Наверное, потому не только крепости, но и жилища в Крыму строили из камня. И крепостные стены с башнями тоже из камня воздвигались, Как быть иначе, если камня так много вокруг?Владела крепостью на Бурунчуке девушка, звали ее Айше. Сильная девушка была, высокая, стройная, красивая, но уж слишком гордая. От гордости той чрезмерной сердце ее не знало жалости. Никогда и никому не улыбалась она. На красивом лице брови черные в разлет, казалось, вот-вот вспорхнут и улетят... Глаза у нее были черные, жгучие. Если на человека ими посмотрит, когда сердится, от человека один пепел остается. Лучше бы на такие глаза не попадаться. И не знала она, что такое любовь. Характер совсем, как у мужчины, был у нееАйше, никогда никого не боялась, и далеко знали о ней. Гневная, сильная была, а нутро все же – женское. Любить никого не хотела, а нутро говорило ей – полюбишь. Время придет – полюбишь... .

И захотелось ей однажды стать мягкой, такой, как все женщины. А не смогла, как ни старалась. Тогда сказали ей:

– Знаешь что, иди вниз, к источнику. Там такая вода есть, что самый крепкий человек, самый гневный человек мягким становится, если в той воде искупается.

И решила Айше: «Пойду, выкупаюсь, попробую, как это жить, когда совсем как женщина».

И пошла.

А напротив источника стояла другая крепость – Тепе-Кермен, и в ней жил юноша. Глаза у него были такие голубые. как два горных озера, волосы белые, шаг мягкий, как у кошки. Но никто не знал, что эти голубые глаза могут быть, как два меча, когда они в сильных руках, никто не знал, что если в гневе юноша посмотрит, то этими голубыми глазами срежет голову. Увидел юноша, что пришла к источнику прекрасная девушка, и спустился к ней вниз.

– Уходи, юноша, – сказала Айше, – эта вода моя.

– Что ты, девушка, эта вода всегда была моей. Уходи ты.

– Как ты смеешь мне приказывать! Разве ты не знаешь, что я Айше из Кыз-Кюлле? Мне никогда еще никто не приказывал.

– А я тебе не приказываю, я тебя прошу – уходи, потому что вода эта моя.

– Ну, скажи это еще раз, и я посмотрю, как ты сгоришь на глазах моих!

– Попробую сказать. И сказал... Не один раз сказал.

И хотя Айше гневно долго, напрягая все силы, смотрела на юношу, тог не дрогнул. Он только поймал взгляд черных глаз и в сердце своем спрятал. И в первый раз полюбил.

– Слушай, девушка, – задыхаясь, сказал он, – иди ко мне в крепость. Теперь я тебя знаю – ты соседка моя. Идем ко мне, и я сделаю тебя своей женою.

– Сделаешь? – сказала Айше. и глаза ее гневно сверкнули. – Уйди от воды!

– Нет, зачем же. Я не уйду. Лучше иди ко мне в крепость.

И он еще ближе подошел к ней.

– Оставь мои руки! – крикнула Айше. когда юноша сильно сжал их,

И она ушла от источника, хотя так не хотела этого делать. А потом наверху у себя рассердилась, ох как рассердилась! На себя рассердилась, что уступила юноше.

Позвала гордая Айше слуг и сказала:

– Идите и скажите ему, пусть поклонится мне, и я его возьму себе в мужа. Ступайте!

Они пошли. Пошли и сказали:

– Господин, наша повелительница сказала, что она тебя берет в мужа. Иди к ней в крепость.

– Берет, говорите вы, – засмеялся юноша. – А я не лошадь. Пускай ко мне придет, если хочет.

– Так, – сказала в бешенстве Айше, выслушав ответ. – Я тебя заставлю все-таки прийти.

И велела бросать камни в овраг. И стала сама камни бросать. По-разному бросала: со злобой бросала и с нежностью бросала. Забросала овраг и стала ждать...

А через овраг, наполненный камнями, шли два маленьких человека: девочка и мальчик.

Девочка шла навстречу мальчику и говорила:

– Какие злые люди забросали овраг камнями. Там внизу были такие красивые цветы!

А мальчик говорил сердито:

– Там внизу жили барсуки, и я ходил на них смотреть. Зачем закрыли их норы? А ты куда идешь? – спросил он девочку.

– Так, гулять.

– Идем к нам в крепость.

И девочка весело побежала с мальчиком в крепость.

Айше смотрела им вслед и думала: «Неужели и я так пойду, как эта девочка? Ни за что».

Долго терпела Айше. а потом пошла. Она шла, пошатываясь, и губы ее что-то шептали.

Она закрывала свое лицо руками и опять шла. И пришла в крепость.

В воротах встретил ее юноша.

– Пришла? – сказал он.

– Пришла, – ответила угрюмо Айше.

– Значит, любишь?

– Люблю, – сказала Айше.

А потом высоко подняла руку и в самое сердце кинжалом ударила юношу.

– Люблю! – еще раз сказала она.

Хан и его сын

Излагается так, как ее изложил Максим Горький

Прислонясь спиной к ярко-коричневому стволу арбутуса, слепой нищий, татарин, начал этими словами одну из старых легенд полуострова, богатого воспоминаниями, а вокруг рассказчика, на камнях-обломках разрушенного временем ханского дворца – сидела группа татар в ярких халатах, в тюбетейках, шитых золотом. Вечер был, солнце тихо опускалось в море; его красные лучи пронизывали темную массу зелени вокруг развалин, яркими пятнами ложились на камни, поросшие мохом, опутанные цепкой зеленью плюща. Ветер шумел в купе старых чинар, листья их так шелестели, точно в воздухе струились невидимые глазом ручьи воды.

Голос слепого нищего был слаб и дрожал, а каменное лицо его не отражало в своих морщинах ничего, кроме покоя; заученные слова лились одно за другим, и пред слушателями вставала картина прошлых, богатых силой чувства дней.

«Хан был стар, – говорил слепой, – но женщин в гареме было много у него. И они любили старика, потому что в нем, было еще довольно силы и огня и ласки его нежили и жгли, а женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать, хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его-в силе красота, а не в нежной коже и румянце щек.

«Хана все любили, а он любил одну казачку-полонянку из днепровских степей и всегда ласкал ее охотнее, чем других женщин гарема, где было триста жен из разных земель, и все они красивы, как весенние цветы, и всем им жилось хорошо. Много вкусных и сладких яств велел готовить для них хан и позволял им всегда, когда они захотят, танцевать, играть...

«А казачку он часто звал к себе в башню, из которой видно было море, там для казачки он имел все, что нужно женщине, чтобы ей весело жилось: сладкую пищу, и разные ткани, и золото, и камни всех цветов, музыку, и редких птиц из далеких стран, и огненные ласки влюбленного. В этой башне он забавлялся с ней целые дни, отдыхая от трудов своей жизни и зная, что сын Алгалла не уронит славы ханства, рыская волком по русским степям и всегда возвращаясь оттуда с богатой добычей, с новыми женщинами, с новой славой, оставляя там, зади себя, ужас и пепел, трупы и кровь.

«Раз возвратился он, Алгалла, с набега на русских, и было устроено много праздников в честь его, все мурзы острова собрались на них, были игры и пир, стреляли из луков в глаза пленников, пробуя силу руки, и снова пили, славя храбрость Алгаллы, грозы врагов, опоры ханства. А старый хан был рад славе сына. Хорошо было старику знать, что, когда он умрет, – ханство будет в крепких руках.

«Хорошо было ему это, и вот он, желая показать сыну силу любви своей, сказал ему при всех мурзах и беках, – тут, на пиру, с чашей в руке, сказал:

– Добрый ты сын, Алгалла! Слава аллаху и да будет прославлено имя пророка его!

И все прославили имя пророка хором могучих голосов. Тогда хан сказал:

– Велик аллах! Еще при жизни моей он воскресил мою юность в храбром сыне моем, и вот вижу я старыми глазами, что, когда скроется от них солнце и когда черви источат мне сердце, – жив буду я в сыне моем! Велик аллах и Магомет-пророк его! Хороший сын у меня есть, тверда его рука и ясен ум... Что хочешь ты взять из рук отца твоего, Алгалла? Скажи, и я дам тебе все по твоему желанию...

И не замер еще голос хана-старика, как поднялся Толайк Алгалла и сказал, сверкнув глазами, черными, как море ночью, и горящими, как очи горного орла:

– Дай мне русскую полонянку, повелитель-отец.

Помолчал хан-мало помолчал, столько времени, сколько надо, чтобы подавить дрожь в сердце, – и, помолчав, твердо и громко сказал:

Бери! Кончим пир, – ты возьмешь ее.

Вспыхнул удалой Алгалла, великой радостью сверкнули орлиные очи, встал он во весь рост и сказал отцу-хану:

– Знаю, я, что ты мне даришь, повелитель-отец! Знаю это я... Раб я твой- твой сын. Возьми мою кровь по капле в час – двадцатью смертями я умру за тебя!

– Не надо мне ничего! – сказал хан, и поникла на грудь его седая голова, увенчанная славой долгих лет и многих подвигов.

Скоро они кончили пир, и оба молча рядом друг с другом пошли из дворца в гарем.

Ночь была темная, ни звезд, ни луны не было видно из-за туч, густым ковром покрывших небо.

Долго шли во тьме отец и сын, и вот заговорил хан эль Асваб:

– Гаснет день ото дня жизнь моя – и все слабее бьется мое старое сердце, все меньше огня в груди. Светом и теплом моей жизни были знойные ласки казачки... Скажи мне, Толайк, скажи, неужели она так нужна тебе? Возьми сто, возьми всех моих жен за одну ее!..

Молчал Толайк Алгалла, вздыхая.

– Сколько дней мне осталось? Мало дней у меня на земле... Последняя радость жизни моей – эта русская девушка. Она знает меня, она любит меня, – кто теперь, когда ее не будет, полюбит меня, старика – кто? Ни одна из всех, ни одна, Алгалла!..

Молчал Алгалла...

– Как я буду жить, зная, что ты обнимаешь ее, что тебя целует она? Перед женщиной нет ни отца, ни сына, Толайк! Перед женщиной все мы – мужчины, мой сын... Больно будет мне доживать мои дни... Пусть бы все старые раны открылись на теле моем, Толайк, и точили бы кровь мою, пусть бы я лучше не пережил этой ночи, мой сын!

Молчал его сын... Остановились они у двери гарема и, опустив на груди головы, стояли долго перед ней. Тьма была кругом, и облака бежали в небе, а ветер, потрясая деревья, точно пел, шумел деревьями...

– Давно я люблю ее, отец... – тихо сказал Алгалла.

– Знаю... И знаю, что она не любит тебя... – сказал хан.

– Рвется сердце мое, когда я думаю про нее.

– А мое старое сердце чем полно теперь?

И снова замолчали. Вздохнул Алгалла.

– Видно, правду сказал мне мудрец-мулла – мужчине женщина всегда вредна: когда она хороша, она возбуждает у других желание обладать ею, а мужа своего предает мукам ревности; когда она дурна, муж ее, завидуя другим, страдает от зависти; а если она не хороша и не дурна, – мужчина делает ее прекрасной и, поняв, что он ошибся, вновь страдает через нее, эту женщину...

– Мудрость не лекарство от боли сердца, – сказал хан.

– Пожалеем друг друга, отец...

Поднял голову хан и грустно поглядел на сына.

– Убьем ее, – сказал Толайк.

– Ты любишь себя больше, чем ее и меня, – подумав, тихо молвил хан.

– Ведь и ты тоже.

И опять они помолчали.

– Да! И я тоже, – грустно сказал хан. От горя он сделался ребенком.

– Что же, – убьем?

– Не могу я отдать ее тебе, не могу, – сказал хан.

– И я не могу больше терпеть – вырви у меня сердце или дай мне ее...

Хан молчал.

– Бросим ее в море с горы.

– Бросим ее в море-с горы, – повторил хан слова сына, как эхо сынова голоса.

И тогда они вошли в гарем, где она уже спала на полу, на пышном ковре. Остановились они перед ней, смотрели: долго смотрели на нее. У старого хана слезы текли из глаз на его серебряную бороду и сверкали в ней, как жемчужины, а сын его стоял, сверкая очами, и, скрежетом зубов своих сдерживая страсть, разбудил казачку. Проснулась она – и на лице ее, нежном и розовом, как заря, расцвели ее глаза, как васильки. Не заметила она Алгаллу и протянула алые губы хану.

– Поцелуй меня, орел!

– Собирайся... пойдешь с нами, – тихо сказал хан.

Тут она увидела Алгаллу и слезы на очах своего орла, и умная она была – поняла все.

– Иду, – сказала она. – Иду. Ни тому, ни другому – так решили? Так и должны решать сильные сердцем. Иду.

И молча они, все трое, пошли к морю. Узкими тропинками шли, ветер шумел, гулко шумел...

Нежная она была девушка, скоро устала, но и горда была – не хотела сказать им этого.

И когда сын хана заметил, что она отстает от них, – сказал он ей:

– Боишься?

Она блеснула глазами на него и показала ему окровавленную ногу..

– Дай понесу тебя! – сказал Алгалла, протягивая к ней руки. Но она обняла шею своего старого орла. Поднял хан ее на свои руки, как перо, и понес, она же, сидя на его руках, отклонила ветви от его лица, боясь, что они попадут ему в глаза. Долго они шли, и вот уже слышен гул моря вдали. Тут Толайк, – он шел сзади их по тропинке, – сказал отцу:

– Пусти меня вперед, а то я хочу ударить тебя кинжалом в шею.

– Пройди, – аллах возместит тебе твоё желание или простит, – его воля, – я же, отец твой, прощаю тебе. Я знаю, что значит любить.

И вот оно, море, перед ними, там, внизу, густое, черное и без берегов. Глухо поют его волны у самого низа скалы, и темно там, внизу, и холодно, и страшно.

– Прощай! – сказал хан, целуя девушку.

– Прощай! – сказал Алгалла и поклонился ей.

Она заглянула туда, где пели волны, и отшатнулась назад, прижав руки к груди.

– Бросьте меня, – сказала она им...

Простер к ней руки Алгалла и застонал, а хан взял ее в руки свои, прижал к груди крепко, поцеловал и, подняв ее над своей головой, – бросил вниз со скалы.

Там плескались и пели волны и было так шумно, что оба они не слышали, когда она долетела до воды. Ни крика не слышали, ничего. Хан опустился на камни и молча стал смотреть вниз, во тьму и даль, где море смешалось с облаками, откуда шумно плыли глухие всплески волн, и ветер пролетал, развеивая седую бороду хана. Толайк стоял над ним, закрыв лицо руками, – камень, неподвижный и молчаливый. Время шло, по небу одно за другим плыли облака, гонимые ветром. Темны и тяжелы они были, как думы старого хана, лежавшего над морем на высокой скале.

– Пойдем, отец, – сказал Толайк.

– Подожди... – шепнул хан, точно слушая что-то. И опять прошло много времени, плескались волны внизу, а ветер налетал на скалу, шумя деревьями.

– Пойдем, отец...

– Подожди еще...

Не один раз говорил Толайк Алгалла:

– Пойдем, отец.

Хан все не шел от места, где потерял радость своих последних дней.

Но – все имеет конец! – встал он, могучий и гордый, встал, нахмурил брови и глухо сказал:

– Идем...

Пошли они, но скоро остановился хан.

– А зачем я иду и куда, Толайк? – спросил он сына. – Зачем мне жить теперь, когда вся моя жизнь в ней была? Стар я, не полюбят уж меня больше, а если никто тебя не любит – неразумно жить на свете.

Слава и богатство есть у тебя, отец...

– Дай мне один ее поцелуй и возьми все это себе в награду. Все это мертвое- одна любовь женщины жива. Нет такой любви – нет жизни у человека, нищ он, и жалки дни его. Прощай, мой сын, благословение аллаха над твоей главой да пребудет во все дни и ночи жизни твоей. – И повернулся хан лицом к морю.

– Отец, – сказал Толайк, – отец!..

И не мог больше сказать ничего, так как ничего нельзя сказать человеку, которому улыбается смерть, ничего не скажешь ему такого, что возвратило бы в душу его любовь к жизни.

– Пусти меня...

– Аллах...

– Он знает...

Быстрыми шагами подошел хан к обрыву и кинулся вниз. Не остановил его сын, не успел. И опять ничего не было слышно – ни крика, ни шума падения хана. Только волны все плескали там, да ветер гудел дикие песни.

Долго смотрел вниз Толайк Алгалла и потом вслух сказал:

– И мне такое же твердое сердце дай, о аллах!

И потом он пошел во тьму ночи...

...Так погиб хан Мосолайма эль Асваб и стал в Крыму хан Толайк Алгалла...

Оксана

Знать бы, где упасть придется, соломы туда б постелил. Знать бы, с какой стороны беда придет? Да не дано человеку... Приходилось тяжело жителям степных районов, в любую минуту можно было ожидать нападения татар, охотившихся за людьми. Пахать землю крестьянин не мог без сабли или пицали. А что делать женщинам, отправляющимся на реку. От своих охальников отбиться можно было взглядом одним, а с татаринком как?.. Летний жаркий день, тишина. Лист на дереве не шелохнется. Село словно вымерло. Каждый прохлады ищет, от жары прячется. Собаки, и те, высунув языки и, тяжело дыша, на незнакомых не лают. А Оксана на сильных плечах коромысло несет с холстами – белить на реку. Самая красивая девушка на селе. Сколько ухажеров было, все, не солоно хлебавши, отошли в сторонку. Сердце дивчина отдала казаку Павлу. На осень глубокую свадьба назначена. Но злую судьбу стороной не обойдешь. Знала бы... да не дано человеку знание будущего. Пошла Оксана на речку холсты белить.

Вроде бы что-то загремело вдаль, а может, ей просто так показалось. Небо чистое. Солнце жаркое, откуда быть грому. Пожала свободным плечом, дивясь

И не ведала дивчина, что на село налетела крымская орда, что уже убивают и вяжут людей, что уже нет в живых ни отца, ни матери ее. Стон и плач несутся со стороны села.

Ей бы спрятаться среди тальника, передать. Но, нет, услышав крики и плач, бросила холсты наземь Оксана и побежала к дому, и тут на нее набросилось несколько татар сразу. И царапалась, и кусалась, и отбивалась, как могла. Да где уж сладить с крепкими тремя мужчинами. Связали сыромятным ремнем руки, захлестнули ремень за шею, увели.

Родовались татары – богатый улов им достался, много купцы дадут денег. Видит Оксана – вот уже повели семью соседей. Сыновья окровавленные, избитые. Ловко охватила петля сзади, не вырвешься. Хозяин дома Остап – могучий, как дуб. Но связанный дуб, срубленный... Подходили к нему, тыкали пальцами в богатырскую грудь, причмокивали. От этого прикосновения у старого Остапа ходили желваки на щеках. Связанный, но не покоренный... А тетушка? Прижала последыша – девочку, плетется сзади босыми ногами, слез не вытирает...

Впереди пути-дороги страшные, выжженные села, кровавые тропы. Назад оглянешься – горят хаты, горит счастье человеческое, горит честь девичья – все горит. Только одни мельницы машут своими крыльями, будто прощаются. Скрипят телеги, везут в чужие земли хлеб, потом взраженный, везут скорбь крестьянский, годный к продаже.

Впереди Кафа. Большой двор, обнесенный высокой стеной, большие ворота, железом окованные. Ох, сколько людей прошло через эти ворота, сколько с грустью-тоской оглянулось, когда они со скрипом закрывались.

Вот хозяин, а около него с бледным лицом евнух – пришли на торг. Вырвали из семьи самую тоненькую, самую славную девочку, бесстыдно сорвали рубашонку... Рванулись связанные братья за сестру постоять. Ну и что ж? Упали окровавленные у ног сестры.

Торг идет. Вот и вторая обнажена по грудь. Оксана даже не поморщилась, она стояла, как из камня высеченная, прекрасная в своем скорбном гневе. Так на диво была хороша, что даже у торговцев телами человеческими язык прилип к гортани. Не расхваливался этот товар, незачем, и так видно. Такой красы тут еще не было. Такой силы, осанки тоже никто не видывал.

Вот и продана Оксана. Потеряла она из виду старого Остапа и всех своих. В фургоны заталкивали невольников. Стали заталкивать и ее. Попробовала сопротивляться – ударили. Поглядели бы, как повела плечом Оксана, когда впервые в жизни ее ударили. Больше ее не ударят. Так говорила Оксана всем видом своим. И, правда, больше ее не били.

Везли долго, наконец, привезли. Вылезли пленники и пленницы, озираются пугливо. Чужое тут все, непонятное... Город грязный, пыльный, повсюду мусор. Улицы узкие, кривые, дома каменные, низкие, в землю вросшие. Только в стороне виден большой дом, за высокой

стеной. Оказывается, этот дом и должен стать ее тюрьмой... Привели Оксану в помещение, где было очень много женщин. Не понимала Оксана, зачем в одно место столько женщин собрали, а мужиков нет.

Вдруг из-за двери глянули на нее глаза девичьи – синие, ясные и такие скорбные, что у Оксаны сердце словно кто-то рукой повернул. Чувствует сердцем, своя, с Украины. Только там глаза бывают такими синие, словно небеса весною. Глазами девушки заговорили друг с другом. Разговор длинный и тяжкий. Ничего хорошего синие глаза не сказали. Поговорили-поговорили и сникли.

Подружились девушки. Многое рассказала синеглазая о гареме, о неволе.

– Почему ты такая белая, – спрашивала Оксана подружку, – почему солнце не ласкает никогда твоего лица, почему ты от него прячешься?

– Ты посмотри, где я сижу, и что делаю? – отвечала синеглазая. – Вот станок, вот пол земляной, вот маленькое оконце за решеткой, вот евнух, вот еще станок. Наверное, и тебя посадят, будешь, как и я, иголкой вышивать, вспоминать Украину родную. И ты, как я, будешь мечтать: «поплывет чайка-лодка, и ты с ней уплывешь далеко по Днепру домой, может, мать жива, может, отец, что скажет...»

Ничего не ответила Оксана. Но видно было, что она не будет шить, не будет сидеть в этой дыре, она лучше перережет себе горло, лучше разобьет голову об эти стены, она еще не знает, что сделает... Она задушит того, кто к ней прикоснется.

Не трогали пока Оксану евнухи, и к хану не вели. Ждали, что ослабнет духом, а тело не стали портить. «Будем кормить сладко, одевать красно, неправда, сломится, не таких ломал гарем», – думали.

Но Оксана, обряженная, сидела молча. С трепетом проходили мимо нее евнухи. Просили у нее помощи все слабенькие, сломленные. Как крепость в гареме была Оксана. К такой не подойдешь, не крикнешь.

Шли дни – тоскливые, серые, один на другой похожие. Чем заняться Оксане, привыкшей к широким степным просторам, к яркому солнцу? Сколько было дарено природой и жизнью, теперь только оценила она по-настоящему. И милое сердцу родное село, и тихие вербы, чистые воды и ясные зори, девичий смех и душевные песни.

Не было в ту несчастную пору в селе Павла Жив он. Наверное – ищет ее? Знает душу своего казака девушка. Гнев его великий и очи огненные, и плечи широкие, и руки могучие! Знает Оксана: гнев этот поведет его по выжженным дорогам. Только бы дождаться.

Все бывает на земле, все случается. Привели как-то в гарем евнухи женщину – старую, сердитую, рослую – с товарами заморскими. Там и для мастерских пряжа тонкая, шелка мягкие, там и кружева, каких еще глаза не видали, там и парча камзольная, тонкая, как дуновение ветра, чадра черная, желтая, синяя. Ох, какое женское сердце утерпит! Товары ласкали глаза и пальцы. Осторожненько откладывали женщины, что кому понравится. Оксана ничего не откладывала.

Торговка в чадре, лица не видать, а глаза не старушечьи, быстрые. Посмотрела в эти глаза Оксана – и у нее тяжело заходила грудь. Павел! Вот сейчас или смерть, или волюшка...

Старуха все распродала. Когда большая корзина до дна дошла, знак Оксане только глазами подала: иди, мол, девушка, за мной, дам тебе самое заветное. Евнухи решили – пусть идет эта каменная, может, чем-нибудь прельстит торговка ее сердце девичье, может, мы ее, наконец, купим.

За высокий тополь зашла Оксана. Впервые услышали евнухи, как она засмеялась, вздохнули облегченно. «Ну, теперь будет нам легче, – думали, – не будет больше гневаться».

Кряхтя и охая, взяла старуха корзинку на плечо, прикрыв старым платком, потихоньку поплелась на улицу. Никто не задержал и чадру не поднял – грех великий.

Кто знает, сколько усилий приложил Павел, сколько стараний приложили его дружки, пока достали товаров всяких, пока проникли в ханскую столицу, во дворец. Сердце вело Павла незнакомыми дорогами, любовь привела его в самое гнездо осиное. Тут бы ему быть схваченным да на кол посаженным. А вот этого-то и не случилось.

Согнувшись, сидела Оксана в корзине, не дыша. Ох и гневалась же она на себя, на свое тело крупное, на свою мощь казацкую. Ей бы тоненькой быть, тогда не гнулись бы так плечи казака.

Наконец вынес Павел корзину в далекий переулочок, поставил ее, прислонив к стене.

С гиком, с криком по пустому переулочку промчались всадники. Трое от них отделились. Татары... но речь не татарская, речь родная, ласковая, мягкая. Вот и она на коне, корзина брошена. Выпрямившись в могучий рост, вскочил на коня Павел – и помчались. Оксана в середине, всадники окружили ее плотным кольцом, едут быстро-быстро. Казалось, каждый и свою силу передал коню.

Эх, скорее бы, скорее, да подальше, дальше. Вот туда, за гору высокую, за лесок зеленый.

Вынесла всех сила молодецкая, удаль богатырская. Вынесли всех верные кони казацкие. Вот уже родные бескрайние степи, вот чистые воды и ясные зори...

Далеко позади остались высокие стены ханского дворца, свирепая стража ханских палат, неумолимый гнев хана. Все это, даже самую смерть победила любовь крепкая, любовь верная, дружба казацкая.

А что ждет впереди?
Гонят пленных по степной дороге,
Связаны веревками за шеи,
Зла среди ордынцев слишком много,
Заикнуться доброта не смеет.

Катится по небу солнца шар,
Нет воды, и пленница упала.
Кто-то крикнул: «Пропадет товар!»
А в ответ: «Такого здесь немало!»

Продана! Теперь она – рабыня
Поведут красавицу в гарем,
Нет свободы, и исчезло имя,
И до смерти безысходный плен...

Золотая колыбель горы Басман

В отвесных обрывах горы Басман, расположенной с северо-западной стороны, зияют темные отверстия пещер. Такие же пещеры, встречающиеся и в других местах Крыма, породили среди местного населения множество легенд о сокровищах, якобы укрытых в них и охраняемых заклятиями от похищения. Но одна из легенд имеет под собой основание и рассказывает о тех временах, когда местному населению приходилось сражаться за свободу свою в борьбе с генуэзцами.

Золотую колыбель, вскормившую народ, жители гор хранили, как величайшую святыню. Изображение ее красовалось на знамени горского княжества. Долго относительно мирной была жизнь горцев. Степняки, не привыкшие к условиям жизни в горах, в горы не забирались. Греков, привыкших к морской стихии, жизнь в горах тоже не прельщала. Но наступило время, когда по соседству с горцами появились выходцы из Генуи. Они крепко и надолго обосновались на крымской земле, построили вдоль побережья крепости. За стенами крепостей они чувствовали себя увереннее, хотя мирным нравом не слишком отличались. Не могли генуэзцы чувствовать уверенно себя, имея рядом вольнолюбивого, смелого народа гор. Когда возникли между соседями распри, уже никто не помнил. Только помнили, что вели они между собой непрерывную войну. Генуэзцы угоняли стада горцев и разоряли селения. Горцы в ответ нападали на генуэзские крепости. Такое положение не могло длиться бесконечно, надо было решить споры мирным путем. Только вот, как это сделать, ни с одной, ни с другой стороны, не знали? Но вот, как-то к горскому князю явился генуэзский посол с пышной свитой. Разряженные в шелк и бархат, итальянцы презрительно смотрели на скромно одетых горцев. Горский князь делал вид, что не замечает этих взглядов – слишком важный вопрос предстояло решить. Он ждал, что скажет генуэзец. Тот в витиеватых выражениях предложил вечную дружбу. Но при этом поставил одно условие: горцы должны выдать генуэзцам золотую колыбель в знак дружбы. Условие звучало слишком дерзко, поэтому, смягчая тон своей речи, генуэзец закончил ее такими словами:

– Мы требуем колыбель потому, что знаем, как высоко цените вы ее. Передайте ее нам – и мы убедимся, что вы дорожите миром больше всего на свете.

Услышав такое требование, горский князь обнажил саблю и ответил:

– Твои слова настолько оскорбительны, что я готов тебя убить. Неужели ты не знаешь, что в этой колыбели вскормлены все мы и что у нее клялись деды и отцы наши в верности своему народу? То, что символом нашим является колыбель, само по себе говорит о мирном характере нашего народа, Нет на знаменах наших ни львов, ни орлов, ни других существ хищных. Так, что сомневаться в намерениях жить мирно со своими соседями, не следует...

Посол генуэзцев настаивал на своем и добавил:

Мы жаждем согласия с вами и готовы тоже дать вам в залог самое дорогое, что имеем. Мы понимаем, что для принятия решения понадобится какое-то время... Мы подождем...

Хорошо, я посоветуюсь со своими людьми – сказал вождь горцев. Срочно были посланы гонцы для сбора старейшин. Собрались самые уважаемые, самые рассудительные люди из горских селений. Вождь рассказал им о предложении генуэзского посла.

– Что останется от нас, если мы отдадим то, что всех нас объединяет? – спросил один из старейшин, и тут же сам ответил на поставленный вопрос: колыбель – символ, имя нашего народа. Лишившись ее, мы станем людьми без роду, без племени, превратимся в безликую толпу. Кто согласится добровольно лишиться свободы и независимости?

Что значит для нас колыбель, мы все знаем, – прервал старика вождь. – Я хотел бы услышать тот ответ, который мы дадим генуэзцам?

– Нужно взамен колыбели просить у генуэзцев то, что они отдать никогда не решатся, – сказал другой старик. – Что может быть для них дороже права на владение землей?.. Вот и надо попросить у генуэзцев ту самую бумагу, от хана Тохтамыша полученную, по которой они владеют землей в Крыму. Думаю, что они на это никогда не согласятся. А раз не согласятся, то тогда можно вести переговоры о мире на иных условиях.

Совет понравился вождю. Генуэзскому послу передали ответ горского князя. Посол, молча, повернулся и со своей свитой отправился на побережье. Прошла неделя, другая, и от генуэзского князя явился новый гонец.

– Возьмите у нас все, что угодно, – говорил он, – но только не эту бумагу.

– А что же дороже ее есть у вас? – сказал горский вождь. – Ведь вы осмелились требовать от нас нашу святыню. По значимости она, возможно, и равна вашему праву на владение землей? Вы не можете жить здесь без права, мы не можем – без колыбели!

– Мы – это другое дело, – сказал посол. – Вы известны, как народ гордый, неустрашимый, и вас можно заставить помириться с нами, только отняв вашу святыню.

– Спасибо за доброе слово! – усмехнулся горский князь. – Но, условия для мира я уже изложил! Колыбель – взамен бумаги!

– Не сердь нас. Мы силой заберем вашу святыню, раз вы сами не хотите добровольно отдать ее нам.

– Ты угрожаешь нам, – ответил горец – Но запомни, народ наш не боится никого, и скорее весь до последнего ляжет в битве, чем продаст честь свою!

– Другого ответа я не дождусь?

Нет!

Разгорелась новая война между генуэзцами и горцами. Уступали и в вооружении, и в количестве бойцов горцы. Ределели ряды славных защитников знамени с изображением золотой колыбели. Княжеству грозила полная гибель. Генуэзцы продолжали требовать золотую колыбель, обещая прекратить войну. Горский князь собрал народ и спросил, не лучше ли согласиться с условиями врагов наших?

– Мы не хотим этого! – закричали воины. – Не допустим позора, пока жив хоть один из нас!

– Друзья мои! – сказал князь. – Пока цела наша святыня, народ живет, хотя бы осталась от него только горстка людей. Поэтому я спрячу святыню так, чтобы ее не нашел никто из врагов. И наложу на нее заклятие, чтобы далась она в руки только тем, кто приблизится к ней с чистыми побуждениями...

Сказав это, князь с небольшой группой самых близких и надежных людей направился к пещере на горе Басман, близ Биюк-Узенбаша. Только ему одному известными тропами они добрались до нее. Воины внесли золотую колыбель в глубь извилистой пещеры и оставили князя одного. Став на колени, тот тихо произнес:

– Могучие духи! Я и народ мой вверяем вам самое дорогое, чем мы обладаем. Его хотят отнять алчные соседи – генуэзцы, чтобы лишить нас имени, чести и свободы. Горские воины бьются с ними сейчас не на жизнь, а на смерть. Если они не сумеют одолеть жестокого врага и погибнут, прошу вас: примите под свою охрану нашу святыню и сохраните ее для грядущих поколений.

– Так будет! – раздалось в мрачной пустоте пещеры.

– Заклинаю вас покарать того, кто захочет взять эту колыбель ради порабощения другого народа или ради какого-нибудь иного злого умысла.

– Так будет! – опять донеслось из мрачной пустоты.

– Могучие духи! Я прошу вас открыть место, где хранится колыбель нашего народа, тем людям, которые будут искать ее для возрождения моего народа, его славного имени, его непо-

корного духа. И помогите мне в битве за жизнь моей семьи, жен и детей моих воинов, за нашу землю, горы, за наши поля и жилища!

В этот момент перед князем появился старец в белой одежде и сказал ему:

– Не отчаивайся! Тяжелые дни переживает твой народ, но наступят для него и лучшие времена. Это будет не скоро, немало горя испытает он. Однако, смотря вдаль, я вижу его возрожденные поля, шумные города, счастливых людей. Не отчаивайся, если даже потерпишь поражение...

– А что будет с генуэзцами, нашими врагами?

– Судьба их несчастна, как и всех захватчиков. Они навсегда исчезнут с этой земли.

Старец медленно ушел в глубину пещеры, а князь выбрался из нее и поспешил к своим воинам. Долго еще длилась война между двумя народами. И каких бы побед ни достигали генуэзцы, они не добивались своего, не могли захватить золотой колыбели.

Ушли последние отряды горцев с родной земли, уступая их злобной силе. Но и ряды врагов поредели, ослабли. И когда неожиданно орды новых захватчиков нагрянули на генуэзцев, они с позором бежали, чтобы никогда больше не появляться на крымской земле. А бумагу, которая давала им право владеть ею, унес ветер в далекое море, и исчезла она навеки.

Столетие за столетием кипели битвы за горскую землю, а в пещере на горе Басман хранилась чудесная золотая колыбель. Много смельчаков пыталось завладеть ею, но им не удавалось добраться до нее. Они возвращались изуродованные, с помутившимся разумом.

Дождется ли колыбель тех, кто владеть ею достоин? Исполнится ли предвидение духов горы Басман?..

Делеклы-Кая

Все лучшее ушло, все в прошлом задержалось,
А новое болезнями грозит,
Да, что ни говори, подходит старость,
И хочется о прошлом говорить.

Какие арбузы, какие были дыни,
Какие девушки красивые были
Не то, что нынешние девушки – гусыни,
И птицы в небесах парили иплыли...

И дождь, как дождь, и снег, как снег,
И холод, и жара, как должно...
Сегодня все не то, былого нет
Слаба рука и сабли в ножнах...

Наступает вечер. Потянулись к деревне от гор тени синие. Спала дневная жара. Дым горящих кизяков и курая щекочет ноздри. Блеяние барашек и коз. Мычание коров. У молодых вечером забот много: скотину загнать, подоить, детей накормить, спать уложить. А что делать старикам? Только собраться у кофейни, поговорить о делах давно минувших, перекинуться словами о погоде, по чашечке кофе выпить, покурить славного табаку турецкого. Крымские табаки тоже хороши, но нужной крепости у них нет. Так лучше все же турецкий.

Что ни говори, а у старости и в покое, и без него, будущего нет, все славное, да доброе в прошлом осталось, вот и кажется старикам, что настоящее всем хорошим уступает прошлому. Разговор, как правило, и начинается с восхваления минувшего. Кто-то из собравшихся, затянувшись дымом табачным, и выпуская его густой струей, произносит всем знакомую фразу, вопросом звучащую:

Прежде лучше было...

Все молча, но согласно, кивают головами, увенчанными шапками из каракуля, только девяностолетний Муслядин, сидя на корточках рядом с имамом, вслух поддакивает:

– Да лучше было. Прежде много лучше было...

И, помолчав немного, продолжает:

– Хорошо было. Когда нужно – дождь был; когда не нужно – не было дождя.

червяк лист не ел; пчелы, как пчелы, были. Медосбор таким был, что куда мед девать, не знали; козы, как козы, барашки, как барашки, один курдюк весил столько, сколько сегодня весит весь баран. Ах, какой шашлык получался из барашка, какие чебуреки, – старик закатывал глаза, причмокивая языком. По две пары буйволов у каждого было. Хорошо было.

Слушают Муслядина козские татары, вздыхают:

Прежде лучше было.

Лица у всех становятся сосредоточенными, сейчас они витают в мире своих воспоминаний. Молчат. В темноте то там, то там огонек вспыхивает от затягивающегося дымом курящего. Табачный дым застилает сидящих.

– Воды много было, – замечает кто-то.

– А? – не слышит его Муслядин, поворачивая голову в сторону сказавшего. Тот наклоняется к самому уху старика, говорит громко:

Воды много прежде было. Ты же сам говорил, что дыры в Деликлы-Кая тогда не было...

Да-да, не было, не было, – оживляется Муслядин. – Потом дыра сделалась, когда Кызбуллаги открылся.

– Говори, говори – просит владелец кофейни, наклоняясь к самому уху старика. – Люди послушать хотят...

Сдвигает Муслядин на затылок тяжелую барашковую шапку, чтобы легче стало шишке, выросшей над правым ухом, как арбуз на баштане. Но в это время сверху, со стороны дороги, проходящей выше по склону над деревней, слышится поскрипывание груженной арбы, доносится голос, погоняющий буйволов. Громкий такой голос. Муслядин замирает, прислушивается, старается определить, кому тот голос принадлежит?.. Его поторапливают:

– Ну?

И хотя рассказ о трех святых и их дарах все деревенские слышали не раз, но так хочется послушать о чем-то чудесном, необычном, чтобы мысль от забот трудового дня оторвалась и улетела куда-нибудь подальше. Обстановка для этого самая подходящая. Тишина, слабый ветерок несет прохладу с горы, приятно ласкающую прожаренную летним солнцем кожу, на черном покрове неба бесчисленные звезды зажигаются.

Муслядин умеет рассказывать, так у него хорошо и складно все выходит, слово со словом, как добрые нити в веревочку свиваются. Чуть дребезжащий старческий голос до души каждого легко доходит.

Не торопясь, с остановками, покуривая из длинной черешневой трубки, говорит Муслядин о том, что слышал когда-то от отца и деда. Кажется, что сам табачный дым помогает старику рисовать картины прошлого, в затейливые завитки собираясь. Становятся видными три серые скалы Эльтигена. Кажется, что исчезла широкая сквозная щель в средней скале, что живут в ней по-прежнему три сказочных духа. Каждый дух свою песню выводит, высоту звука, а, кажется, что Деликлы-Кая сама шумит, неся людям то, что важно в их жизни. Если гулкий звук гора издает – жди дождя, если стонет – бури. Предупреждают духи людей, потому что, как и в давние времена, любят они свою деревню. В прошлом прислушивались люди к голосу духов, чтили своих покровителей. Было хорошо.

Прежде все хорошо было, и духи добрые, и люди – добрые. От добрых дел, от любви между людьми и духами росло блаженство духа, передавалось оно сердцу человека. Мягче сердца становились, добрее становились люди.

Рассказчик остановился на минуту, выбивая пепел из трубки, затем продолжал:

– Когда самому хорошо, хочется, чтобы и другим было хорошо. Всем, всем хорошо. Так душа человека устроена, – старик глубоко вздохнул, – Раньше лучше было, в былое время козские люди не пропускали нищего и странника, чтобы не приютить и не накормить его. А когда уходили вниз, в сады, на работу, оставляли кого-нибудь, чтобы было кому принять прохожего.

Как-то раз ушли все на работу; остались старухи и мальчуганы, – да три девушки, которые спешили шить приданое, чтобы было готово к месяцу свадеб. Было жарко и душно. Девушки, захватив работу, ушли в лес искать прохлады под деревьями, где ветерок гуляет. Притих Эльтиген. Покинули духи свои скалы, где обитали и, превратившись в нищих, подошли к девушкам. Увидели девушки слепого, хромого и горбатого, поклонились им, говаорят:

– Если голодны, накормим вас.

Под широким дубом, который стоит и теперь, развязали узелки с таранью, чесноком и лепешками и стали угощать бедняков.

– Кушайте.

Ели нищие, благодарили, а когда кончили, – в узелках почему-то меньше съестного не стало.

– Кушайте хорошенько, – говорили девушки, и отдали нищим сладости, которые оставили, было для себя.

Улыбнулись странники.

– Велик Аллах в своих творениях. Да исполнит сердце ваше радостью.
И спросили странники девушек, нет ли у них каких-либо тайных желаний. Задуманное в хорошую минуту может исполниться.

– Подумайте.

Посмеялись между собою девушки, пожали плечами, одна и говорит:

– Хотелось бы скорее дошить свое приданое, не успеваю...

– Вернешься домой и увидишь, что сбылось твое желание, – улыбнулся горбатый.

– А я бы, – застенчиво улыбаясь, сказала другая, – хотела бы, чтобы бабушка на меня не ворчала.

– И это устроится, – кивнул головой хромой.

– Ну, а ты? – спросил слепой третью. Ты что бы хотела? Задумалась третья, потом и говорит: То, что я попрошу, ты не сможешь сделать. Просьба у меня необычная. И хотел бы ты мне помочь, но все равно не сделаешь...

И все-таки, скажи.

И сказала девушка просто, душой не лукавя:

– Хотела бы, чтобы в горе открылся источник, чтобы бежала в деревню холодная ключевая вода; чтобы путник, испив воды, забывал усталость, а наши деревенские, когда настанет жара, освежаясь в источнике, славили милость Аллаха.

– Ну, а для себя самой, чего бы ты хотела? – спросил слепой.

А мне, мне ничего не надо. Все есть.

Открылись от удивления глаза слепого, отразилась в них синь небес.

– Скажи мне имя твое?

– Феррах-ханым, – отвечала девушка.

– Феррах-ханым, случится все так, как ты пожелала, и имя твое долго будет помнить народ.

Повернулся слепой к Деликлы-Кая, высоко поднял свой посох и ударил им по утесу. С громом треснула Деликлы-Кая, дождем посыпались вокруг каменные глыбы, темным облаком окуталась гора. Улеглись камни, села пыль, а, когда разошлось облако, увидели в горе сквозную щель и услышали, как вблизи зашумел падающий со скалы горный поток. Добежали первые капли ручья до ног Феррах-ханым и омыли их. А нищие исчезли, Растворяясь в воздухе, и поняли девушки, кто были они.

Сбылось слово слепого нищего. Народ долго помнил Феррах-ханым, и когда она умерла, могилу ее огородили каменной стеной.

Лет шестьдесят назад, – Маслядин многозначительно покачал головой, – я сам видел развалины этой стены и читал арабскую надпись на камне, она гласила:

«Не прилепляйся к миру, он не вечен, один Аллах всегда жив и вечен».

Замолчал старый Мусядин, шаря рукой вокруг себя, в поисках палки. Пора по жилищам расходиться, но никому из слушателей не хотелось уходить из мира сказки к заботам жизни. Поднялся, кряхтя, Мусядин, чтобы идти домой.

Пора.

Поднялся и имам, говоря:

– Шумит Деликлы-Кая. Может быть, дождь будет?

– Да, дождь нужен, воды нет, – заметил владелец кофейни.

– Нужен, нужен, – поддержали его, поднимаясь, татары.

– Опять Феррах-ханым нужна? – улыбнулся молодой учитель. Но на него строго посмотрели старики.

– Когда Феррах-ханым была – было много воды; теперь мало стало, хуже люди стали, хуже девушки стали. Когда дурными станут – совсем высохнет Кызлар-хамамы.

Курбан – Кая – Жертвенная скала

Давно, живущие среди гор
Прекрасно знают,
Что с хвастовством ведущий спор.
Шайтана призывает
И не прощают духи гор
Бахвалов самомнение,
Пустой не любят разговор,
Проси у них прощения.
Не ждешь шайтана и беды,
Они приходят сами —
Сорвешься с каменной гряды,
Иль превратишься в камень.

Откуда бы не глянул человек, скала эта хорошо видна. Давно она отвернулась от деревни нашей, склонилась в поклоне к старокрымскому лесу. Стоит печальная, словно задумалась. На восходе солнца, если глянуть с той стороны, станет видно, как на скалу взбирается огромный человек, одной рукой ухватился за ее вершину, а другой упирается в расщелину, и весь прижался к серому камню, чтобы не свалиться в пропасть. Только каменный тот человек, не живой. Говорят, то окаменелый чабан. Говорят люди, а правда ли, нет, кто знает?..

Когда приходит Курбан-байрам, наши старики смотрят на Курбан-каю и вспоминают о чабане, камнем ставшим.

Прежде много было чабанов; каждый зажиточный татарин имел свою отару барашек. Только лучше, чем у Муслядина не было в долине отары, потому что чабаном у Муслядина был сам Усеин. Знал чабан Усеин каждую тропинку в горах, каждую прогалину в лесу, каждый ключ в лощине. Ни один баран не пропал у него, ни одна барашка от отары не отбилась

Муслядин был так доволен своим чабаном, что обещал ему свою дочь.

Но жаль, у Муслядина была только одна дочь, Эмне, и эта дочь вертела отцом, как хотела.

А в сердце Эмне поселился давно молодой Рефеджан, Арык-Рефеджан, как звали его в деревне за тонкий стан. Веселый был Рефеджан, удачливый. Не скрывал своей любви к Эмне.

Узнал об этом чабан Усеин, разозлился на Рефеджана, а через неделю так случилось, что упал Рефеджан со скалы и разбился на месте.

Пришел праздник жертв, Курбан-байрам, принес чабан Усеин хозяину жертвенного барана. Принял барана Муслядин и, вздохнув, печальную весть сообщил про Рефеджана. Узнав, что убится Рефеджан, Усеин только усмехнулся:

– Каждому своя судьба.

И когда зарезал курбана, омыл в его крови руки, усмехнулся еще раз.

– От отцов дошло: кто сам упадет, тот не плачет.

Понравилось мудрое слово Муслядину, и подмигнул он чабану, когда проходила по двору Эмне.

Тогда послал чабан старуху, которая жила в доме, поговорить с Эмне.

– Хочет, чтобы ты полез на ту скалу, где убится Рефеджан. Влезешь, – пойдет за тебя, – сказала старуха, возвращаясь с ответом девушки

Почесал голову Муслядин

– Никто туда не мог влезть, как ни пытались

– А вот я влезу.

– Хвастаеш!.

Обиделся чабан Усеин и поклялся:

– Если не влезу, пусть сам стану скалой.

И видела Эмнэ, как на закате солнца стал взбираться чабан по скале, как долез почти до самой ее вершины и как вдруг оторвался от нее огромный камень и в пыльной туче покати́лся вниз, с грохотом

Пошли люди туда, думали, разбился чабан, но, как ни искали, не нашли его, а когда на восходе солнца пришли снова, то увидели чабана, превратившегося в огромный камень.

Говорят, когда долез чабан до вершины скалы, то увидел тень Рефеджана и окаменел от страха.

И сказали наши татары, что на Курбан-байрам принес чабан самого себя в жертву Аллаху, и назвали ту скалу – Жертвенной скалой – Курбан-кая.

Так люди говорят, а правда ли, нет, – кто знает!

Кара- Даг – Черная гора

Радость мирной жизни удесятерится, если рядом опасность имеется. Люди на войне, в самом горниле ее побывавшие, особенно чувствуют, чего стоит мирный сон, красота яркого дня и очарование темной звездной ночи.

Жители Отузской долины ни с кем не воевали, но очень ценили мирную жизнь, проживая вблизи Кара-Дага – Черной горы. Непокойна была гора еще во времена тавров. Говорили тавры о том, что гора эта временами просыпалась, над вершиной ее поднимался дымок, потом с ужасающим грохотом вверх взлетал столб огня, а на округу изливались потоки расплавленного камня. Времена те ушли, но в огромной пещере внутри горы поселился великан одноглазый. Днем он отсыпался, храпя во сне, хотя и мирный храп этот напоминал отдаленные раскаты грома, а сама гора вздрагивала, когда великан поворачивался сбоку набок. Глубокой ночью великан просыпался и выходил из своей пещеры через лаз, похожий на огромную воронку, и тогда люди могли видеть издалека, как красным цветом крови светится его единственный глаз.

Великан, проголодавшись за день, требовал себе пищи, напоминая об этом ужасающим грохотом, при этом он начинал швырять в долину огромные камни, повреждая деревья и виноградники. Жители вынуждены были жертвовать великану овцу и быка.

Получив их, великан успокаивался. Жители могли заниматься своими обычными делами: Выгоняя на выпас овец и коров, выходя в сады и виноградники. Наступал вечер, чабаны гнали стада овец в кошары, отовсюду слышалось бляение и мычание животных. Возвращаясь с садов и виноградных полей, девушки пели песни девичьи о любви и о счастье – дивные трели девичьих голосов разливались по всей долине. Но приближаясь к жилищам голоса стихали, девушки с опаской поглядывали в сторону Кара-Дага, черной громадой возвышающегося над долиной, а вдруг одноглазый великан покажется?

С каждым годом уживаться с великаном становилось все трудней и трудней, он уже не удовлетворялся быком или парой овец, а требовал большей жертвы. Особенно аппетит его разыгрывался в месяц свадеб. Даже десятки овец и быков не были достаточными. Он ревел целую ночь, и от рева его дрожали окна, и потухал огонь в очагах. Затем он хватал огромные камни и сбрасывал их в долину. Скатываясь по склонам горы, они превращались в лавину, которая сметала все на своем пути.

Напуганные люди выбирали одну из невест и отдавали ее в жертву великану...

Много лет великан властвовал над Отузской долиной, а люди терпели. Никто из них даже не помышлял над тем, как от него избавиться. Но однажды нашелся смелый юноша, который решил бросить вызов чудовищу. Жители деревни по-разному отнеслись к этому решению: одни жалели юношу, другие смеялись над ним, но ни те, ни другие не верили в то, что великана можно истребить.

Дождавшись месяца свадеб, юноша принялся за дело. Когда солнце зашло и в долину стали спускаться сумерки, он направился к горе-великану. Вот стали зажигаться первые звездочки, потом всплыла, похожая на серебряный диск, большая луна; засеребрилась морская гладь. Стихли людские голоса, не стало слышно мычания коров и бляения овец, только одинокие собаки подавали знаки жизни своим лаяньем. Гасли огоньки в окнах жилищ. И вспоминая красу и нежность своей возлюбленной, юноша звонким ясным голосом громко запел старинную песенку:

Из ущелья появился великан. Очарованный пением, он попросил юношу принести ему птичку любви и тот согласился. На следующий вечер юноша снова отправился на Кара-Даг, взяв с собой свою суженую. Увидев огромного великана, Эльбис, – так звали невесту юноши, – в ужасе остановилась. Но, взглянув на спокойное уверенное лицо своего любимого, поборол

страх и отважно шагнула навстречу опасности. Она обратилась к людоеду и попросила открыть пошире глаз, чтобы рассмотреть птичку. Красота Эльбис была настолько ослепительна, что великан от изумления широко раскрыл свой единственный глаз. А девушка натянула лук и пустила в светящийся глаз великана каменную ядовитую стрелу. Взвыл великан, и рванулся было к смельчакам, чтобы раздавить их, но, став слепым, ничего не видя, споткнулся о камень и сорвался в свою глубокую нору.

От гнева великана гора шевелилась, как живая: громадные камни, и даже целые утесы откалывались от нее и с шумом падали в море. От его гневного дыхания плавилась земля и стекала со склонов огненными потоками сквозь трещины. Целую ночь стоял над Кара-Дагом беспрерывный гул, вершина горы извергала огонь, дым и пепел. Зловещая черная туча заволокла небо, сверкали молнии, и гремел гром.

А на рассвете выпал дождь и все утихло. Когда люди вышли из своих убежищ, то замерли от удивления. Черной горы больше не существовало. На ее месте поднялись к небу новые утесы, и причудливой формы скалы, напоминающие диких зверей. Море уже больше не сердилось и ласково омывало отвесные стены скал, заливало многочисленные бухточки и пещеры и что-то радостно бормотало.

Любовь – это птичка весны,
Пришла ей пора прилететь.
Спросил я старуху-гречанку,
Как птичку любви мне поймать?
Гречанка ответила так:
«Глазами ты птичку лови,
Она на уста упадет
И в сердце проникнет твое...»

Тавры и Таврида

Конечно, тавр – не бык, и не носил тавро,
Хотя слова, действительно, созвучны;
Народ, что прежде жил, ушел давным-давно,
Легенд не подарил и песен благозвучных.

Оставил имя, кажется, и все...
В сравненье с прошлым, это и не мало,
Нагрузку очень важную несет,
Которой нам всегда не доставало.

Единого мнения в вопросе происхождения тавров нет. Одни говорят, что тавры близки к фракийцам. Другие говорят, что тавры являлись одной из ветвей киммерийцев, которые теснимые скифскими племенами массагетов, покинули свою страну. Часть киммерийцев, преодолев Боспор (Нынешний Керченский пролив) попала в Крым, и, смешавшись здесь с местными племенами, образовали народность, названную позднее таврами. Не от легкой жизни тавры избрали местом обитания своего труднодоступные места. Горы, пусть и скудно кормили людей, доверившихся им, но зато надежно защищали, хотя бы потому, что все пришельцы искали плодородные земли, а их в горах нет.

Как бы то ни было, а неизвестно откуда взявшийся и куда-то девшийся народ, и числом не великий, оставил память по себе в названии такого чудесного уголка земли, какой притягивает магнитом к себе людей, получившего название Крым. «Таврия», «Таврида» – слова, которым смерть не уготовлена.

Легкой жизнь в горах одной семьи не назовешь, еще сложнее выживать целому народу, при условии, что и на эту территорию постоянно кто-то покушается. Что надо непрошеным пришельцам в горах? Ни золота, ни серебра в Крыму не находили... Значит, интересовали пришлых сами тавры! А что в избытке у тавров? Чистый горный воздух, яркий солнечный свет и, конечно, свобода. Свободу и приходилось постоянно отстаивать таврам. И за нее они ничего не жалели: ни своих жизней, ни чужих.

Чужаки обвиняли тавров в излишней жестокости. То, что греки пытаются представить их кровожадными не удивительно? В кровожадности всегда упрекают тех, на чьи земли и имущество покушаются! Геродот пишет: «У тавров существует такой обычай: они приносят в жертву Деве потерпевших кораблекрушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы... сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибывают к столбу... Живут тавры разбоем и войной» Откуда греки приходили? Со стороны моря, поскольку они были прекрасными мореходами. Вот и были выставляемые на обозрение головы чужеземцев, возможно, знаком предупреждения. Других средств предупреждения тавры не знали. И в ритуале казни пришельцев ничего особенного не было, жертвоприношение бога – и только!. У тавров сверхсущество было женского рода, девой. Это говорит о том, что они к патриархату еще не подошли.

Что оставили нам тавры, кроме самого названия полуострова? Таврические каменные ящики, в которых они хоронили умерших, да еще такое красиво звучащее слово – «Ливадия». Это слово ни из какого современного языка не выводится. Но этим словом назван район современной Ялты. Кстати, греки называли район современной Ливадии «Панас Чаир» – «Священный Луг».

Возможно, древние греки ввели в обиход такое название потому, что где-то неподалеку находилось святилище тавров, храм, посвященный «Деве».

Русалка и «Фонтан Азры»

Все, о чем говорится в легенде, происходило в Мисхоре, прежде небольшой деревне, расположенной в 12 километрах от Ялты. Это позднее деревушка стала селением, о чем и говорит само ее название «Мисхор», что означает в переводе «Среднее село, или деревня». Пройдет время и два селения «Мисхор и Кореиз» сольются, став частью Большой Ялты.

Огромным зеленым шатром раскинется знаменитый парк Мисхора над побережьем, сосредоточив в себе более 100 пород экзотических деревьев и кустарников.

На берегу Мисхора будет создана скульптурная группа «Девушка Арзы и разбойник Али-Баба», а напротив на маленькой скале «Русалка». Это постановка в бронзе легенды о прекрасной девушке, которую похитил старый турок и проданной им в султанский гарем.

И в XXI веке девушек превращают в сексуальных рабынь, как это было прежде. Только масштабы изменились. А способы сохранились те же: обмануть и похитить.

В деревне Мисхор, когда она была еще под властью турецкого султана, жил работающий крестьянин Абий-ака. Хижина его стояла вблизи моря. Чуть подальше находился небольшой сад и виноградник, кормившие крестьянскую семью. Никакими внешними особенностями хижина не отличалась. Такая же небольшая, и не слишком уютная. Не было сыновей у крестьянина, но была дочь по имени Азры. Она и была главным украшением жилища. Не было красивее девушки в округе. Сорок тонких косичек сбегали по плечам Азры до самых колен. Как лоза виноградная, стан ее строен и гибок. Огромные глаза черны, как ночное звездное небо, губки яркие, алее спелых вишен, а щеки румяны и нежны, как спелые бархатные персики. Все любовались скромной красавицей, но более всех присматривался к цветущей красе девушки Али-баба, хитрый старик, хозяин быстрой фелюги, часто ходившей между Мисхором и турецким берегом. Торговал купец разным товаром, но поговаривали и о том, что он похищает красивых молоденьких девушек и увозит на своей фелюге в Стамбул для продажи в гаремы турецких пашей и беев. Всякий раз, приходя с кувшином к фонтану, Азры чувствовала тяжелый пристальный взгляд Али-бабы. Но, забывала она о похотливом взгляде купца, когда, наполнив кувшин водой, присаживалась около фонтана и подставляла ладони рук водной струе. Ласкала вода кожу рук девушки, и девушка ласкала ладонями рук водные струи. Она могла часами заниматься играми с водой, но время напоминало, что домой пора возвращаться. Вдохнув глубоко, Азры просталась с фонтаном и шла домой, чтобы помочь матери по хозяйству. Под звуки песен, исполняемых нежным девичьим голоском, работа выполнялась значительно быстрее. Звенел серебристый голос ее и на винограднике, когда она приходила к отцу, чтобы помочь. Нашелся парень из дальнего села, приглянувшийся Азры, и прислал он сватов к девушке. Не отказали парню родители Азры. Хороший, работающий был парень.

Весело праздновал весь Мисхор, гуляя на свадьбе молодой пары. Звенели смех и песни. И из соседних селений пришло много гостей на торжество. Спустились весенние сумерки на берег, мрак поплыл над морской гладью. И рожок чабана возвестил о том, что стадо возвращается. Поднялась со своей подушки в нарядных одеждах Азры и тихонько, не сказав ни кому и слова, вышла из хижины. Захотелось ей в последний раз посетить фонтан, откуда она ежедневно приносила воду. Взяла медный кувшин и спустилась к фонтану. Прислушиваясь к неумолчным вздохам морского прибоя и серебристому журчанию фонтана, погрузилась она в воспоминания о детстве. И не заметила Азры, чужих людей у фонтана. Ловкий прыжок, и забилось в сильных руках мужчин хрупкое тело девушки. Закрыли рот ей ладонью, бросили плащ на голову, скрутили так, что ни пошевелиться, ни звука издать она не могла. Бросились пираты во главе с Али-бабой к ладье. Покачиваясь на волнах, неслась фелюга Али-бабы к Стамбулу, когда на один единственный крик девушки, бросились близкие и жених. Тосковал весь Мисхор по украденной Азры, не только жених и отец с матерью. Зачах и любимый Азрой

фонтан. Прежде весело журчал он, струю плотной сильной наполняя кувшин за кувшином. Теперь он давился редкими тяжелыми каплями – плакал горькими слезами осиротевший фонтан.

Между тем Али-баба привез Азры в Стамбул. Не успел он вывести на невольничий рынок плачущую девушку, как явились туда евнухи самого султана. Большую плату за невольницу получил купец Али-баба. А Азры стала наложницей наместника пророка на земле. Родила Азры мальчика, но не принес он утешения ее душе. Ровно год прошел с того дня, когда она была похищена. Поднялась Азры с сыном на угловую башню султанского сераля и бросилась в пучину Босфора. В тот же вечер печальная русалка с младенцем подплыла впервые к фонтану у берега Мисхора. Подошла к фонтану, простерла она к нему руки, играла со струями его, смачивала водою фонтана руки, гладила мокрые скользкие камни. Радостно журчал фонтан сильной струей била вода. Задумчиво смотрела русалка-Азры на родное село. А потом, тихо опустившись в волны морские, исчезала, чтобы через год вернуться сюда снова. И всегда ждал ее фонтан. Только в день посещения русалкой билась струю вода, во все остальные дни фонтан горько плакал.

Что делать, была, есть,
Торговля душами, телами.
Забыв Коран и, спрятав честь,
Занялся скверными делами.

Отца и мать продать бы мог,
Из близких вытянул бы жилы,
Коль чужд ему великий Бог,
Коль служит бесу и наживе.

Джанике из Кырк-Ора

Крепкие стены Кырк-ора, из крепкого камня построены, толстые стены, ничем не одолеть, и стоит крепость на горном плато. Ворота железные, замки, наверное, каждый больше пуда весит. Но было одно слабое место – не было водоисточника. Воду приходилось носить из колодцев. Два колодца снабжали крепость водой, но находились колодцы те за пределами города, родники располагались у подножия. Тайными тропами жители крепости спускались к колодцам и носили воду в крепость

На выступах скал были устроены пещеры, в которых воины находились для защиты троп и самих колодцев.

Был еще один колодец, представлял он собою вертикальную шахту, прорубленную из крепости в большую естественную пещеру, из стен которой сочилась вода

Еще в те времена, когда Крымом правили хазары, подошли к крепости враги, а хазары жившие в ней, ворота закрыли и стали держать оборону. Не смогли враги прорвать оборону и стали ждать, когда жажда вынудит осажденных сдать. Долго пришлось вести осаду, но ничего не вышло – вода в городе была. И поняли захватчики, что город ни силой, ни осадой не взять, пока не выяснить, откуда воду берут горожане. Послали в крепость лазутчиков-купцов, и те вывели у добродушных жителей города их секреты. Той же ночью враги разрушили стенку пещеры, а возле колодцев устроили засады. Долго продолжалась эта борьба. Ушла из колодцев вода, поток воздуха испарил источники, а камни «выпили» воду в самой пещере.

Так крепость Кырк-Ор потеряла свою воду. Жители теперь тщательно собирали атмосферные осадки, копили воду в бассейнах, привозили ее в город на лошадях и осликах. Так и жили.

Хан Тохтамыш после поражения ряда поражений, некоторое время отсиживался в крепости Кырк-Ор. Добрым хана нельзя было назвать во времена удач, что тогда говорить о нем, когда он был раздражен неудачами. Говорили тогда, что был он рыжим, тело шерстью поросло, а зрачки поперек глаз стояли, не могло быть у человека таких глаз.

Несметно богат был Тохтамыш хан, только касаться руками тех богатств нельзя, липкие они от крови, по рекам которой пришли в сундуки хана.

Стерegli богатства Тохтамыша не только каменные своды подземных пещер, но и каменное сердце самого хана.

Тохтамыш никогда не повышал голоса, только шепотом говорил, но люди этого шепота больше громов небесных боялись

Никого не любил Тохтамыш-хан, а какой хан любовью своею разбрасывается? Разве может хан женщин любить? Тохтамыш требовал любви от жен своих, от сотен наложниц своих, в гареме живущих. Была у него в гареме среди пышнотелых красавиц девушка, звали ее Джаныке. И вправду, она была Джаныке – душевная. Добрая была, ласковая, как ребенок. Красивая была Джаныке. Только вот в груди у Джаныке сердце билось не так, как у всех, трепыхалось, как птица, готовящаяся к полету. «Вот наберется сил сердце и птицей выпорхнет из груди» – думала Джаныке. Не знала, глупенькая, что в груди у нее болезнь страшная поселилась, грозящая смертью в любое мгновение. Отца, матери у нее не было. Тохтамыш купил девочку в Бахчисарае, внизу и спрятал в своем гареме, растил для себя как голубя в клетку, и растил для себя, а чтобы люди не говорили плохого, дочерью назвал.

Все боялись Тохтамыша, и маленькая Джаныке тоже боялась. Придет в гарем Тохтамыш, спросит, как живешь? Живу, говорит Джаныке тихим голосом Большую рыжую руку положит хан на ее голову, а Джаныке, кажется, что вот-вот голова отвалится.

Однажды пришла беда на Тохтамыша. Крепость Кырк-ор окружило большое войско врагов. В большой барабан били, радостно кричали, понимая, что взятие крепости – дело времени.

Знали враги: в крепости воды нет, а без воды не выжить людям. Знали враги, что им не нужно головами в камни стучать, стрелы в воздух пускать. Подождем, говорили, у нас времени много. Вода у нас, хлеб у нас, а Тохтамыш-хан сам своими руками железные ворота откроет, на шелковой подушке ключи вынесет и попросит: примите, все ваше, только живым выпустите! Так думали, так говорили враги. А за стеной Тохтамыш-хан диким зверем, загнанным в клетку казался; злой – подходить страшно.

Дни шли, вода кончалась, опустел и главный бассейн, в котором вода хранилась. Со дна его ветер только пыль несет. Сухи и жарки небеса, и капли воды не дали. Скоро люди стали падать, как падают осенние листья. Пора и ворота открыть врагу, чтобы жизни людей спасти, но Тохтамыш боялся за свои сокровища, людей ему не было жалко. Он заставил их бросать камни вниз, на врагов, и злобно говорил своим людям:

– Думаете, я своими руками открою ворота? Если у меня камней не хватит, я ворота вашими головами забросаю.

Люди сначала боялись, а потом уже ничего не чувствовали, им было все равно. Без воды разве будешь жить?

Тихо в крепости. Не слышно голосов. Умирают люди. Первыми стали умирать грудные младенцы. Нет воды, из груди матери молока не выдавишь, жалко было видеть их, беззвучно рты открывающих – чтобы закричать сил не хватало.

Джаныке в гареме дивилась: почему так тихо в Кырк-оре, почему никто ничего не говорит, почему даже собаки не лают? А евнухи в ответ только плечами пожимали: знали они, а сказать нельзя. Потом к Джаныке в гарем пришел мальчик – пастушок Али. Он пришел, смиренно опустил голову и сказал так:

– Слушай, Джаныке. Вот видишь, я мужчина, а не смотрю на тебя, пусть мои глаза не оскорбят тебя, девушку. Не бойся, послушай меня, я ведь пришел от народа. Слушай, Джаныке, люди о тебе говорят, что никогда ты не сказала неправды, что твои розовые губы никого не обидели, дурного слова не сказали.. Слушай, Джаныке, люди еще говорят, – дрожа от испуга, говорил Али, – что ты не дочь Тохтамыша, что ты наша, оттуда из Эски-Юрта, что тебя купил Тохтамыш. Если так, Джаныке, то, как же твое сердце терпит, как же ты народу не поможешь? Слушай, что я тебе скажу: там далеко внизу вода поет, пойдём...

– А зачем нужна вода? – спросила наивная Джаныке.

– Ты не знаешь? Во всем Кырк-Оре нет ни капли воды, маленькие дети падают, умирают, и никто не может спасти их. Я хотел проползти туда, где вода, но у меня широкие плечи, а ты – люди говорят про тебя, ты тонка, как веточка, ты всюду проникнешь, – ты будешь проползать в расщелину и доставать оттуда воду, она там поет, а я понесу ее в водоем. Пойдем, ты же наша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.